

С. 2 На пути к единству – в надежде

В Мюнхене представители церковных движений обсудили вопросы христианского единства. Для рассказа об опыте христианских движений в России был приглашен основатель Преображенского братства священник Георгий Кочетков

С. 4 Жизнь в духе свободы

16 июня в Санкт-Петербурге прошел вечер памяти Никиты Алексеевича Струве. Вспоминали его умение говорить, скромность, а самое главное – горение, «которое было воспринято им от матери Марии и от всего лучшего, что было в русской эмиграции»

С. 5 Борьба за Богочеловечество

Выставку «Я весть Твоя», проходившую в Санкт-Петербурге в июне-июле, открыла конференция «“Мы все стоим у нового порога”: свободное творчество матери Марии (Скобцовой)». Сегодня мы публикуем фрагменты одного из прозвучавших на конференции докладов

Приложение «Открытая встреча»

В этом номере приложения мы завершаем публикацию фрагментов Открытых встреч осеннего цикла 2015 года – на этот раз опубликован фрагмент последней, третьей встречи (фрагменты первой и второй встречи были опубликованы в приложениях к 1(203) и 5(207) номерам «Кифы»)

Тема номера Прошлое и будущее

Если мы не понимаем, откуда росли корни, то к какому небу протягиваем свои ветви?

Из беседы с Н.Д. Солженицыной

Александр Исаевич и Наталия Дмитриевна Солженицыны. Тверская область. 1996 г.

Мне посчастливилось разделить с Александром Исаевичем работу над «Красным Колесом», исторической эпопеей, к которой он шел, как он сам говорил, всю жизнь. Замысел пришел к нему в 18 лет, в 1936 году, и всю жизнь он собирал материал к этой эпопее. Он отвлекался от нее только на «Архипелаг ГУЛАГ», на «Раковый корпус» – по особенностям биографии и по остроте свежих впечатлений. Но всюду – и на фронте, и в лагере – он собирал материалы, в основном устно, от свидетелей.

А вырос он в Ростове и Новочеркасске, где в 20-х и 30-х сами камни еще помнили гражданскую войну. Люди помнили – и не задаваться вопросом: «почему так случилось?» было бы странным. Конечно, если ты нелюбопытен и ленив, ты мог об этом и не думать, но для молодого человека, который смотрел вокруг с интересом,

это был естественный вопрос. И в 18 лет Александр Солженицын решил, что будет писать историю Русской революции. Тогда он, конечно, считал, что это Октябрьская революция, которая призвана осуществить не завершенные в реальности лозунги Французской революции и принести мир, свободу, равенство и братство, «и все будут смотреть на Восток, откуда поднялась заря». Тем не менее ему было ясно: для того, чтобы понять, как совершилась революция, нужно начинать с Первой мировой войны.

И он, будучи студентом физмата, сидел в читальне Карла Маркса в Ростове и конспектировал исторические работы по войне, и некоторые из этих выписок сохранились, а кое-что даже вошло (в переработанном виде) в окончательный текст. Но по мере работы над материалом он понял, что нужно будет углубляться дальше. Он нащупал, что в годы войны

самая главная беда России была не в военных действиях, не в том, что в какие-то моменты не хватало снарядов, или что в армии было много запоздавших в своем искусстве генералов. А самое страшное было – тот накал напряжения и ненависти между властью и обществом, который существовал в России в 1915–1916 годах и был силен, как никогда прежде (хотя был и прежде), и просто гипнотизировал людей. Это становится очевидно, даже если просто изучить как следует газеты того времени. И Александр Исаевич поставил новую задачу: понять, откуда тянется эта ненависть, исключавшая какие бы то ни было компромиссы, делавшая невозможными никакие позитивные решения, ведь главной целью общества было не добиться тех или иных уступок, а смести эту власть. И, конечно, когда такое происходит во время войны, это может оказаться фатальным.

Окончание на с. 6-7

Не разучиться видеть людей

О выставке «Я весть Твоя», посвященной памяти матери Марии (Скобцовой), рассказывает один из организаторов Юлия Балакшина

Петербург. Вечер воскресного дня. Музей А.А. Ахматовой. На выставку «Я весть Твоя», посвященную 125-летию со дня рождения прмц. Марии (Скобцовой), забредают случайные посетители. Основной поток был утром и днем. Между мемориальными комнатами Ахматовой

и «кабинетом» Бродского я предлагаю людям посмотреть «выставку про мать Марию». Никто не знает, кто она такая, даже фильм с Касаткиной в главной роли прочно стерся из народной памяти. У меня 15 минут, чтобы рассказать всё, – обычный аванс временного доверия и терпения. И вот через 15 минут с людьми что-то происходит: лица становятся мягкими, родными, и почему-то нам не хочется расставаться. Несколько раз проверяла этот эффект. Он повторяется независимо от экскурсовода. Мать Мария продолжает нас соединять.

Замысел

Около 10 лет назад у двух христианских движений – Преображенского братства (Россия) и Русского христианского студенческого движения (Франция) – родилась идея провести выставку о человеке, которого и те, и другие чтят среди своих духовных учителей. Из числа целого ряда дорогих имен: Н.А.Бердяев, прот. Сергей Булгаков, прот. Александр Шмеман, – мы выбрали имя матери Ма-

рии (Скобцовой), причисленной к лику святых мучеников по решению Священного синода Вселенского патриархата 16 января 2004 года. Выставка, по замыслу организаторов, должна была стать шагом к признанию матери Марии святой у нее на родине, в Русской православной церкви.

Сначала нам казалось, что в первую очередь нужно поведать нашим соотечественникам о художественном творчестве матери Марии, о том, что православное христианство в XX веке могло быть мощной культурообразующей силой, источником творческой энергии. Мать Мария пробовала себя в поэзии, прозе, агиографии, богословии, философии, живописи, иконописи, прикладном искусстве. Многообразием дарований она напоминала людей ренессансной эпохи. Волею судьбы плоды ее творческой деятельности оказались разбросаны по разным странам: дореволюционная живопись осталась в России, рукописи оказались в архиве Бахметьевского университета в США, вышивки – во Франции.

Но на выставке, посвященной художественному наследию матери Марии, не суждено было состояться. На пути организаторов встали серьезные финансовые и юридические преграды, да и время требовало другого рассказа, другого образа, другой концепции. Мы поняли что нужно в первую очередь рассказать о личности матери Марии, о ее «новой душе», не только не сломленной бесчеловечными катастрофами XX века, но и открывшей в себе неисчерпаемые источники милости, сил, вдохновения, Бого- и человекообщения.

Окончание на с. 5

Немолчащая Церковь

К пятидесятилетию обнародования «Открытого письма верующих Кировской (Вятской) епархии Патриарху Алексию и всем верующим Русской Православной Церкви» мы публикуем выдержку из бакалаврской работы выпускницы СФИ Марины Чиликиной «Борис Талантов и братство вятских христиан как опыт церковного сопротивления хрущевским гонениям на РПЦ». Авторы письма, прежде всего вдохновитель борьбы за Церковь в Кирове Борис Талантов не отказались от своих подписей под письмом несмотря на давление «органов». Сам Талантов в своем обращении к суду отметил, что не отказывается ни от чего им написанного, был осужден «за антисоветскую деятельность» и умер в тюрьме в 1971 году

Несмотря на то, что церковь декретом советской власти 1918 года была отделена от государства, прямые вмешательства в ее жизнь со стороны государственных структур продолжались во все время существования коммунистического строя. Политика Н.С. Хрущева, «искренне верившего в возможность скорого построения коммунизма, в котором не должно быть места для религиозных представлений»¹, строилась исходя из этого принципа, что повлекло серьезное наступление на РПЦ, особенно обострившееся в 1958–1964 гг.

Важно отметить, что во времена хрущевских гонений церковный народ не оставался безучастным к происходящему. Отдельные представители Русской православной церкви находили в себе мужество противодействовать тотальному наступлению на церковь. Среди них были и архиереи, и священники, и миряне. Но эти очаги сопротивления не были массовыми, они носили индивидуальный характер.

Одним из наиболее заметных деятелей этого сопротивления был Б.В. Талантов, мирянин из г. Кирова (Вятки). Родился он в 1903 году в семье сельского священника. Заочно закончил механико-математический факультет МГУ. С 1934

по 1954 год работал преподавателем математики, астрономии и картографии в Кировском педагогическом институте.

«Характеристики из его личного дела... неизменно рисуют Б. Талантова добросовестным и высокопрофессиональным работником»². В 1954 году он был уволен из института за религиозные убеждения. Затем трудился в Кировском энергетическом институте, из которого также был уволен за свою правозащитную деятельность. С 1958 года Б.В. Талантов ведет активную деятельность по защите прав верующих, противодействует закрытию храмов, объединяет верующих в братство.

Он хорошо знал Священное Писание, ориентировался в вопросах истории церкви, изучал работы апологетов христианской церкви первых веков и Святых отцов, обращался к творениям философов. В 1951 году окончил вечерний университет марксизма-ленинизма при городском комитете КПСС с тем, чтобы лучше разбираться в той идеологии, в полемике с которой ему приходилось вступать, защищая христианство от нападок атеизма.

Окончание на с. 8

Борис Талантов. Последняя фотография перед арестом. 1969 год.

Великое освящение воссозданного храма Усекновения главы Иоанна Предтечи у восточной стены Новодевичьего монастыря

Храм Усекновения главы Иоанна Предтечи на акварели второй половины XVIII века

7 июля 2016 года, в праздник Рождества Пророка, Предтечи и Крестителя Господня Иоанна, Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл совершил великое освящение воссозданного храма Усекновения главы Иоанна Предтечи у восточной стены Московского Богородице-Смоленского Новодевичьего женского монастыря.

По завершении чина великого освящения храма Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл обратился к участникам богослужения со словом, в котором, в частности, сказал:

«Тем, кто протестует иногда против строительства храма в местах, подобных тому, на котором воздвигнут этот храм, я бы очень рекомендовал приехать к стенам Новодевичьей обители и увидеть, насколько гармонично, прекрасно вписывается храм в окружающую среду.

А иначе и быть не могло. Недаром наши благочестивые предки всегда для строительства храмов избирали самые красивые, самые высокие места. Что было бы с Россией, каким был бы ее лик, если бы не сохранились хотя бы немногие из тех замечательных храмов, которые сегодня украшают наши города и села?

...Дай Бог, чтобы по всей Руси продолжалось созидание храмов – везде, где в них есть потребность. И верим, что этот обновленный лик исторической Руси долгие-долгие годы – дай Бог, чтобы столетия – продолжал вдохновлять людей и помогать обращать им взор к небу».

Затем в Смоленском соборе Новодевичьего монастыря Святейший Патриарх Кирилл возглавил служение Божественной литургии.

Летописи относят появление храма Усекновения главы Иоанна Предтечи Московского Новодевичьего монастыря ко времени основания обители, то есть к 1525 году. Храм построили шатровый, пятиглавый, кирпичный. Располагался он около восточной стены Новодевичьего монастыря. Во время От-

На литургии в Смоленском соборе Новодевичьего монастыря. Справа на переднем плане ректор Свято-Филаретовского института священник Георгий Кочетков. 7 июля 2016 года

чужденной войны 1812 г. Новодевичий монастырь был занят вражеской армией и подвергнут осквернению, а храм Усекновения был взорван. Возрождение храма было приурочено к празднованию 200-летия Отечественной войны 1812 года.

По материалам пресс-службы патриарха Московского и всея Руси

Новости Свято-Филаретовского института

В Свято-Филаретовском институте завершился 28-й учебный год

28 человек получили дипломы бакалавров богословия

На традиционном благодарственном молебне ректор СФИ священник Георгий Кочетков поздравил всех преподавателей и сотрудников с завершением очередного учебного года, а выпускников – с окончанием Института и Богословского колледжа.

«Мы часто переоцениваем значение человеческого ума, но не реже и недооцениваем ум, который должен быть вышколен, научен разного рода тонким различиям, – сказал отец Георгий. – Поэтому мы не всегда готовы в полную меру оценить значение школы. Да, не все в жизни постигается умом. Но человек взрослый должен напрячь все свои силы и раскрыть все свои таланты, в том

числе касающиеся его души, его ума и в конечном счете разума и сердца, духа. Когда человек этого не делает, когда он интеллектуально ленится, он очень многое теряет и многие свои дары не может умножать».

Отец Георгий с сожалением заметил, что в отличие от стран Западной Европы и даже Америки, «где люди привыкают с ранних лет обретать ум и разум и понимают, что это им пригодится на протяжении всей жизни, у нас в стране многие люди проводят детское время празднуя, так же как и годы своей юности. Они больше ищут того, что их забавляет, что им приятно, угождают себе. И, к сожалению, люди старшего поколения не поправляют их».

«Мы все страдаем от избытка глупости в наших СМИ, в наших школах, в нашей стране – везде и всюду, – добавил отец Георгий. – Но особенно печально, что это происходит не только в обществе, не только в народе – это происходит и в церкви, которая должна быть хранительницей мудрости, той самой мудрости, о которой мы только что слышали в послании апостола Иакова (3:17) – той мудрости, которая свыше, которая чиста, мирна, снисходительна, послушлива, полна милосердия и добрых плодов, беспристрастна, нелицемерна. Церковь должна всему этому учить. Но оказывается, если ум человека не изощрен, то он с трудом постигает эти вещи».

«Мы все хотели бы, чтобы наша церковь могла сиять светом разума,

чтобы церковные люди могли слету, легко понимать друг друга, как и людей, живших прежде них, чтобы люди могли приготовить себя для принятия даров Духа. Ведь и Дух действует по-разному в людях, приготовленных по-разному. Если человек не очень готов слушать, понимать, запоминать, трудиться, то и дар Духа может быть им потерян», – сказал отец Георгий.

«Мы рады всем, кто находит в себе смелость, решительность, мужество, чтобы поступить учиться в наш Институт, особенно если человеку уже не двадцать и не двадцать пять лет, – добавил ректор СФИ. – Мы радуемся, когда люди меняются под влиянием образования – от слова «образ», под действием просвещения – от слова «свет». И поэтому мы всякий раз с такой радостью подводим итоги очередного учебного года, радуемся каждому человеку, который начал, продолжил или завершил ту или иную ступень своего образования, тем более столь дефицитного, как образование, преподаваемое в духовной школе. В наше время оскудения гуманитарных наук, оскудения гуманитарной культуры и тем более культуры духовной нужно очень высоко ценить возможность ее обретения. Это то, что необходимо для возрождения Церкви Христовой на нашей земле, а значит, и нашего народа, и культуры, через которые и в наше время может прославляться имя Господне».

Дмитрий Гасак, первый проректор СФИ, также поздравил всех с окончанием учебного года. «Этот год был для

Вручение дипломов

нашего Института не слишком простым, но и замечательным своими достижениями, которые не всегда бросаются в глаза, – сказал он. – В частности, Институт получил лицензию на магистерскую программу «Проблемы современного богословия и катехетики», и с 1 сентября мы начинаем набор на нее».

После молебна 28 выпускникам богословского факультета были вручены государственные дипломы бакалавров теологии. Шесть человек завершили обучение по программам факультета религиоведения и 27 окончили очное отделение Богословского колледжа; у заочников выпускные экзамены впереди.

София Андросенко
Фото: Александр Волков
Сайт Свято-Филаретовского института

Один из сегодняшних материалов «Кифы» (на с. 1,8) основан на дипломной работе выпускницы СФИ Марины Чиликиной «Борис Талантов и братство вятских христиан как опыт церковного сопротивления хрущевским гонениям на РПЦ»

Слово проректора СФИ Дмитрия Гасака

Издание Преображенского содружества малых православных братств

Кифа

Одобрено Синодальным информационным отделом Русской Православной Церкви (Свид. №081 от 3 мая 2011 г.).
Главный редактор:
А.В. Колымагина

Адрес редакции и издателя:
105062, г. Москва,
ул. Покровка, д. 29

Тел./факс: +7 (495) 624-9250

Электронный адрес редакции:
gazetakifa@gmail.com

Подписной индекс в агентстве Роспечать – 19601
Над номером работали:

Анастасия Наконечная, Максим Дементьев, Александр Копировский, Елена Шевелева, Дмитрий Дорошко, Светлана Калинина, Татьяна Тыртыш, Мария Кайкова
Дизайн и верстка: Марина Подкопаева
Учредитель: Культурно-просветительский фонд «Преображение».
Газета издается с октября 2002 г.
Культурно-просветительский фонд «Преображение».
Все права защищены.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

Нашу газету можно приобрести:
в интернет-магазине predanie.org;
в Москве: в редакции (в настоящее время находится в помещении СФИ – ул. Покровка, д. 29, оф. 38);
в Санкт-Петербурге: в киоске «Предание», тел. +7-963-316-37-81
в Париже: в магазине «YMCA-Press»: 11, Rue de la Montagne Ste Genevieve
Телефоны распространителей
Москва:
+7-910-421-64-60 (Анна Гринман),
+7-903-100-93-73 (Денис Кудряшов)
Санкт-Петербург:
+7-963-316-39-81 (Анастасия Наконечная)
Архангельск: +7-921-073-32-76 (Надежда Макурина)

Вельск: +7-921-247-11-37 (София Кудрявцева)
Воронеж: +7-950-763-50-35 (Александр Терехов)
Екатеринбург: +7-904-388-03-91 (Татьяна Благодарева)
Рязань: +7-920-632-06-71 (Сергей Гаврилов)
Северодвинск: +7-909-551-20-11, (Татьяна Колпакова)
Тверь: +7-909-266-88-83, +7-905-551-02-70 (Олег Ермолаев)
Тула: +7-920-746-69-73 (Марина Писаревская)
Электросталь: +7-926-787-43-05 (Ольга Кузнецова)
США, Канада: 1-651-210-49-22, oleg@voskres.net (Олег Воскресенский)

Газета зарегистрирована Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-46907 от 5 октября 2011 г. Отпечатано в типографии «Бьорк», г. Москва, ул. Складочная, дом 6, строение 3.

Тираж 1350. Цена свободная. Выпуск подписан в печать 23 июля 2016 г. Время подписания в печать: по графику – 9.00, фактическое – 9.00. Дата выхода в свет 30 июля 2016 г.

На пути к единству – в надежде

В Мюнхене представители церковных движений обсудили вопросы христианского единства

Конгресс межконфессионального христианского сообщества «Христианские общины и движения. Вместе для Европы» прошел в Мюнхене с 30 июня по 2 июля. Он собрал 1700 человек из двухсот христианских общин и движений и 40 стран.

Антикризисное христианство

Христианские общины и движения могут объединить поляризованное европейское общество, считает председатель совета Евангелической церкви Германии епископ Генрих Бедфорд-Штром. «Христианское единство открывает перед церквями перспективы более богатые, чем мы можем себе представить», – сказал он.

Кардинал Рейнхард Маркс, председатель Конференции католических епископов Германии, подчеркнул, что условие такого единства – совершенное примирение христиан, добавив, что источник силы, которой достигается это примирение, – глубокая встреча: «Другой человек дает нам силы и помогает достигать взаимного понимания».

«Пока мы не разрешим самые насущные для Европы проблемы, они будут подавлять нас», – сказал Герхард Просс, председатель оргкомитета конгресса, бывший генеральный секретарь ИМКА в Германии. – «Европейцы должны научиться жить вместе». Пятнадцатилетний «опыт диалога многообразных христианских общин и движений, нацеленного на созидание единого общества, очень обогатил нас», сказал он, имея в виду христианское движение «Вместе для Европы», которое организовало нынешний конгресс в Мюнхене.

«Вместе для Европы» объединяет более 300 церковных движений и общин разных конфессий, стремящихся преодолевать трагическое разделение церквей. У истоков этой инициативы – главы двух католических мирянских движений: покойная основательница движения Фоколяров Кьяра Любич и основатель Общины святого Эгидия Андреа Риккарди. Среди наиболее активных участников также ИМКА в Германии, немецкое католическое движение Шёнстатт и другие крупные католические и протестантские движения. Вместе они стремятся искать ответы на главные вызовы, с которыми сталкивается европейское общество, через заботу о мире, защиту жизни и окружающей среды, формирование справедливой экономики, благоустройство городов и созидание братских отношений между европейцами.

Именно этот опыт позволяет христианским общинам в Европе «противопоставить центробежным силам страха путь к новому единству в надежде», уверен Герхард Просс.

Служение «переводчиков»

«В опыте взаимного обогащения и примирения вы важные форпосты», – сказал кардинал Вальтер Каспер, бывший председатель Папского совета по содействию христианскому единству, обращаясь к участникам форума. Он озвучил прогноз, что в обозримом будущем между Евангелической и Католической церквями будет достигнут консенсус по доктринам о церкви, служении и евхаристии.

В первый день работы конгресса прошло девятнадцать круглых столов, где были представлены сообщения об опыте жизни христианских общин и осуществленных ими проектах, а также звучали личные свидетельства участников. На одном из них обсуждался вопрос о напряжениях, нередко возникающих между институциональными церковными структурами и неформальными движениями и общинами. Говоря о месте общин в жизни церкви, Франц Цееб, советник Евангелической церкви Германии, заметил, что они «могут нести служение “переводчиков”, поскольку владеют и языком современного мира, и языком веры, на котором говорит церковь».

Православный взгляд из России

Для рассказа об опыте христианских движений в России в этом году был приглашен священник Георгий Кочетков – основатель Преображенского братства, крупнейшего неформального объединения верующих в Русской православной церкви. «Вопрос христианского единства в нашей стране был по существу решен еще во времена ГУЛАГа, то есть во времена особенно жестоких гонений на церковь со стороны советской власти, – сказал отец Георгий. – В советских

Выступает духовный попечитель Преображенского братства священник Георгий Кочетков

концлагерях страдания были таковы, что заключенные не спрашивали, кто к какой конфессии принадлежит. Там сам диалог жизни и ради жизни способствовал взаимному примирению и братству, в том числе межконфессиональному».

Едва ли не более важным в советские годы был поиск единства внутри Православной церкви, добавил отец Георгий. «Когда действовал негласный закон “больше двух или трёх не собираться”, среди тех, кто, преодолевая страх и разделение, все-таки искал встречи во Христе, иногда возникали настоящие братские и даже общинные отношения, – рассказал он. – Именно таким путем в кругу верующих во Христа друзей в Москве зародилось еще в конце 60-х – начале 70-х годов наше движение».

Отец Георгий рассказал о добрых отношениях, которые сложились у Братства с движениями других конфессий, а также об опыте совместной молитвы с ними. Говоря о современном этапе диалога, он заметил, что сегодня «агрессия зла в мире ничуть не меньше, чем она была в страшном XX веке. И надо бороться с ней традиционными для христиан средствами – умножением любви, веры и доверия. Ничего другого в наших руках и сердцах никогда не будет». Отец Георгий уверен, что христиа-

нам «нужно острее чувствовать боль от отсутствия полноты единства, как и вообще всякой полноты церковной жизни, не только межконфессиональной».

Культура доверия против неуверенности в «завтра»

Второй день конгресса был посвящен обсуждению общественного и политического значения духовных движений в Европе. На пленарном заседании и семнадцати круглых столах встретились представители христианских общин, политики, официальные церковные спикеры, работники экономической и социальной сферы.

Как отметил социолог и профессор исследовательского института Time-Lab в Париже Майкл Хохшильд, «в условиях глубокого системного кризиса, в котором находится современное европейское общество», христианские общины могут предложить людям альтернативные модели жизни. Он назвал духовные движения важной силой, способной действовать в церкви «снизу», на микроуровне, и в то же время оказывать решающее влияние на проблему единства жизни в своих церквях. «Только церковь, несущая внутри себя качество мира и единства, сможет сделать заметный вклад в примирение общества. Когда церкви станут творческой культурообразующей силой, они смогут продемонстрировать, что из существующего кризиса можно найти выход, что “завтра” действительно есть».

Герберт Лауэнрот, эксперт в области межкультурных исследований Экуменического центра в Оттмаринге, видит в состоянии европейского общества – страхе и неуверенности в завтрашнем дне – реакцию на «экзистенциальный спазм». В то же время он расценивает это как вызов, ответом на который может стать поиск новых жизненных ориентиров, опирающихся на опыт веры. «Тогда Господь сможет дать нам свободу от страха, которая будет основой для новой и очень востребованной в Европе культуры доверия», – сказал он.

Конгресс завершился на Карлсplatц – одной из крупнейших площадей Мюнхена, где христиане разных конфессий из 32 стран и 200 движений и общин приняли участие в символической акции, призванной засвидетельствовать о стремлении церкви к единству и примирению.

В конгрессе приняли участие ведущие эксперты по межконфессиональному диалогу, а также лидеры крупнейших христианских движений и международных организаций, такие как генеральный секретарь Всемирного совета церквей пастор Олав Фикс Твейт, президент движения Фоколяров Мария Воче, президент Общины святого Эгидия Марко Импальццо, ее основатель Андреа Риккарди, профессор Йельского университета Мирослав Вольф, митрополит Серафим Жоантэ (Румынская православная церковь), епископ Серафим Сигрист (Американская православная церковь), один из пионеров движения «Вместе для Европы» священник Христофор д'Алоизио из Бельгии (Константинопольский патриархат). Были представлены видеоприветствия папы Франциска и Константинопольского патриарха Варфоломея. Конгресс проходил под эгидой ЮНЕСКО, Совета Европы, Европейской комиссии и Европарламента.

Софья Андросенко
Фото: Кирилл Мозгов, together4europe.org

Источник:
Сайт Свято-Филаретовского института

Конгресс завершился на Карлсplatц – одной из крупнейших площадей Мюнхена, где христиане разных конфессий из 32 стран и 200 движений и общин приняли участие в символической акции, призванной засвидетельствовать стремление церкви к единству и примирению

Жизнь в духе свободы

О дарах и талантах

Григорий Лопухин, актер и режиссер, внук Никиты Алексеевича:

Это мой дед, но мне не хотелось бы рассказывать, как мы играли в теннис или пинг-понг. Я скажу о том, что меня удивляет в нем как в личности – это его умение говорить. И он всегда был сильнее именно в импровизации, чем в подготовленных выступлениях.

Я мог бы вспомнить о многих эпизодах, которые мне кажутся сильными и значимыми. В частности, когда он говорил о тех русских, которые являются потомками эмигрантов в третьем или четвертом поколении: «Мы своего рода русские». Странная, почти неприводимая фраза. Мы с ним много спорили о театре, и именно то, в чем мы не соглашались, было самым интересным. Он критиковал многое из того, что я делал, и это-то мне и нравилось. Тем не менее, две моих постановки ему понравились: несколько сцен о Солженицыне из «Архипелага ГУЛАГа» и литературная композиция по стихам матери Марии (Скобцовой). Когда он посмотрел последнюю композицию, он ничего не сказал, только улыбнулся, но для него это много значит.

Татьяна Викторовна, секретарь редакции журнала «Вестник РХД»: Никита Алексеевич великолепно выступал, особенно спонтанно. Кто-то задавал вопрос, и он мгновенно включался в процесс, говорил ярко, вдохновенно. И этот огонь передавался публике. У него был дар переходить из одной культуры в другую, с одного языка на другой.

Дмитрий Гасак, председатель Преображенского братства и первый проректор Свято-Филаретовского института: Он очень ценил такое качество, как скромность. Мне кажется, он видел в этом воплощение христианского духа, того, что может быть сокрыто в христианском понятии служения – когда на первом плане присутствует не тот, кто действует, но Тот, во Имя кого это совершается. И его скромность проявлялась даже в его одежде, неброскости его наружности. Его значение и все, что он делал, с кем он был связан, – никогда не бросались в глаза.

Он, будучи знатоком предмета, о котором говорил, не был ярким оратором. Но то, что он говорил, было «в десятку», промежуточных слов и «словесного наполнителя» в его речах не было.

РСХД

Кирилл Соллогуб, председатель Русского студенческого христианского движения, рассказал о том, что в воцерковлении Никиты Алексеевича и в его стоянии в вере – это всегда говорил и он сам – решающую роль сыграла встреча с Движением. Встреча эта состоялась в 1949 году. Никите Струве тогда было 18 лет, и он учился на филологическом факультете Сорбонны. На съезд РСХД он пришел по приглашению своего старшего брата – о. Петра Струве*. Никита Алексеевич так писал об этом: «Я был сразу же и бесповоротно захвачен той живой творческой свободной атмосферой, которая была свойственна съездам

16 июня в Санкт-Петербурге прошел вечер памяти издателя, переводчика, главного редактора издательства YMCA-Press Никиты Алексеевича Струве

Движения с самого начала его возникновения».

По словам Кирилла Соллогуба, для Никиты Алексеевича Движение – не только богословы, наставники, профессора, учителя, но это и жена, и друзья: «С тех пор и до самой своей кончины он оставался движенцем. Для нас он был настоящим мостом между поколениями, потому что он застал основателей движения, таких как о. Василий Зеньковский, Лев Зандер, Николай Зёрнов, с которыми он общался в послевоенные годы. И в Движении он обрел настоящий круг друзей: это второе или третье поколение движенцев – о. Александр Шмеман, о. Илья Мелия (близкий друг Никиты Алексеевича), о. Борис Бобринский, о. Алексей Князев, о. Иоанн Мейендроф. Они оставались друзьями до конца жизни. Также в РСХД он встретил будущую жену – Марию Александровну Ельчанинову, дочь известного священника Александра Ельчанинова».

«Дух Движения он нес до конца жизни и разделял со всеми, особенно с нами, молодыми», – подчеркнул Кирилл Соллогуб.

«Вестник»

В начале 1950-х молодой Никита Струве (ему было чуть больше двадцати) вошел в круг людей, которые отвечали за издательство YMCA-Press. Сначала он был литературным советником, а с 1970-х стал главой издательства. В те же 1950-е он вошел в редакционный комитет журнала, который до сих пор издает Движение – «Вестник Русского христианского движения» («Вестник РХД»), а в начале 1960-х по предложению о. Петра создал новый франкоязычный журнал «Le messenger orthodoxe» и до конца жизни был его главным редактором.

В 1950 году «Вестник» был «чисто эмигрантским, очень тоненьким журнальчиком». О том, чем стал «Вестник РХД» для советского читателя в 1970-е годы, рассказал Александр Копировский, профессор Свято-Филаретовского института: «1978 год. Сiju в новом корпусе Московского университета на Ленинских горах (я тогда получал второе образование), под лестницей, на небольшой площадке, которая неофициально называлась “сачкодром” – те, у кого было свободное время, могли там почитать или просто отдохнуть. Сiju, никого не трогаю, читаю “Вестник РСХД”. Рядом сидит незнакомая девушка, читает. Случайно заглядываю ей через плечо. И что же? Мы читаем один номер “Вестника”!

Хотя тогда за это можно было не просто вылететь из университета, а поехать далеко-далеко... Но когда человек погружался в такое чтение, ощущение советской действительности исчезало. Это было как припадание к источнику, к живительному кислороду. Обычно такие вещи тогда брали, чтобы прочитать за ночь: номер “Вестника” ценился не меньше, чем “Архипелаг ГУЛАГ”».

Никита Алексеевич публиковал работы авторов из России под псевдонимами, которые никаких ассоциаций с этими авторами не вызывали, и в этом проявилось его бережное отношение к людям и то, насколько хорошо он разбирался в ситуации в СССР. Дмитрий Гасак напомнил, что далеко не все западные издатели обладали такими качествами: например, как рассказывал протопресвитер Виталий Боровой (в то время – заместитель председателя Отдела внешних церковных сношений), у авторов, публиковавшихся в изданиях английского Кестон-колледжа, именно из-за псевдонимов возникали «проблемы с КГБ». В этом смысле Никита Алексеевич при всей его ироничности, шутовществе, простоте понимал дух времени и очень хорошо его чувствовал.

В 1978 году он опубликовал в «Вестнике» под псевдонимом «Николай

Герасимов» первую статью основателя Преображенского братства и Свято-Филаретовского института священника Георгия Кочеткова «Вхождение в Церковь и исповедание Церкви в церкви». И для каждой следующей статьи он придумывал новый псевдоним.

Дмитрий Гасак и другие члены Преображенского братства с благодарностью вспоминали, как Никита Алексеевич Струве в 1997 году, когда на о. Георгия Кочеткова и двенадцать братчиков были наложены несправедливые прещения, вступился за братство перед патриархом Алексием II.

Как рассказал Игорь Сахаров, директор Института генеалогии при Российской национальной библиотеке, он составил родословную Никиты Алексеевича Струве и оказалось, что действительно в роду Струве совсем немного русских, остальные – французы, немцы, – по вероисповеданию были или протестантами, или католиками: «Из этого “коктейля” образовался Никита Алексеевич как человек несомненно русский. Наше становление может происходить независимо от того, какие у нас гены и какой религии придерживались наши предки».

Александр Копировский вспоминал о том, что сделал для России Никита Алексеевич после 1990 года: «Он стал ввозить книги буквально тоннами – в большие библиотеки Москвы, во все областные библиотеки. С его помощью была создана Библиотека-фонд Русского Зарубежья им. А.И. Солженицына.

За эту деятельность в России он получил гонимую. В его жилах было совсем немного русской крови, но сегодня удачно вспомнили его слова: “мы своего рода русские”. Колоссальный вклад Никиты Алексеевича в русскую культуру также в том, что он сделал ей “впрыскивание” не только духовной литературы, христианской публицистики, но и духа свободной полемики, просто духа свободы. Он не передается автоматически, ему нельзя научиться в школе или институте, но им можно вдохновиться, чтобы что-то подобное раскрыть в себе».

Юлия Балакшина, также принимавшая участие в организации первого приезда Никиты Алексеевича в Санкт-Петербург в 2004 году, рассказала о своих впечатлениях от его выступления на круглом столе под названием «В России не удалась история, но удалась культура»: «Он жил с сознанием того, что он осколок той России, которая осталась, которая сохранилась. И очень много говорил о наследии, о призвании русской эмиграции сохранить осколки того, что когда-то было в России. Никита Алексеевич сам был явлением той самой культуры и того русского человека, который был когда-то на этой земле. Замечательно, что мы его знали и видели, и что его образ помогает нам что-то в самих себе выпрямлять».

По материалам репортажа Дарьи Макеевой на сайте Преображенского братства
Фото Игоря Хмылева

* Протоиерей Петр Струве (24 января 1925 г. – 3 декабря 1968 г.) – родился в Париже. С юных лет участвовал в работе Русского студенческого христианского движения, впоследствии был вице-президентом Движения. Духовный сын протопресвитера Василия Зеньковского. Принимал участие во французском Сопротивлении. Врач. В 1964 г. принимает священство. Один из организаторов (середина 1960-х гг.) и первый настоятель франкоязычной церковной общины Святой Троицы в крипте Свято-Александро-Невского собора в Париже. Издатель и со-редактор серии книг на французском языке «Eglises en dialogue» («Церкви в диалоге»). Ведущий радиопрограммы «Orthodoxie» («Православие») на французском радио. Член редакционной коллегии журнала «Le messenger orthodoxe» (1960–1968). Принимал участие в работе международной православной молодежной ассоциации Синдесмос. Оказывал содействие в организации первого в Бельгии франкоязычного прихода свв. Космы и Дамиана в Брюсселе (1967). Погиб в автомобильной катастрофе 3 декабря 1968 г. в Монфермее (Франция). ** Из статьи А.И. Солженицына «Угодило зернышко промеж двух жерновов».

Татьяна Викторовна ответила после вечера на несколько вопросов «Кифы»

Никита Алексеевич Струве отличался очень живым и трезвым отношением к церковной жизни, глубоким интересом к тому, что происходит в России, и все это воплощалось в «Вестнике». Как редакция планирует продолжить эту линию после кончины главного редактора?

Никита Алексеевич был настолько разнообразно одарен, он так горел и с такой отдачей передавал это пламя другим, что нам кажется совершенно необходимым и естественным попытаться продолжить его дело. И мы приложим все силы для того, чтобы «Вестник» продолжал существовать. Для этого есть реальные основания: творческая работающая редколлегия. Часть ее находится в Париже, но многие ценнейшие сотрудники живут в других странах: о. Владимир Зелинский в Италии, Виктор Александров в Венгрии, Наталия Ликвинцева, которая просто движет горами, живет в Москве. Конечно, Никита Алексеевич незаменим, и «Вестник» изменится, но мы будем стремиться к тому, чтобы точно придерживаться его линии и попытаемся воплотить все то, что он нам передал и продолжает передавать. Я очень счастлива, что многие годы сотрудничала с ним. Это присутствие рядом позволило мне отчетливо понять, чего он хотел от «Вестника» и что стремился передать русскому и западному читателю.

А сколько времени Вы работали с ним вместе?

Мы начали наше сотрудничество в 1999 году с работы над наследием матери Марии. Родилась идея издания полного собрания ее сочинений, пятитомника, который мы тогда еще только обсуждали, составляли планы, пытались понять, что в него войдет. Я начала работать с парижскими архивами, потом с английскими, а через какое-то время оказалось, что часть документов находится в Соединенных Штатах Америки. Мать Мария – необъятна. И чем больше ею занимаешься, тем больше понимаешь, что мы знаем только малую толику ее наследия. Поэтому идея этого полного собрания сочинений в каком-то смысле амбициозная, но совершенно необходимая. Первый том вышел из печати в издательстве «Русский путь»*, второй вот-вот выйдет. Три остальных, будем надеяться, тоже удастся завершить.

Вы были в больнице у Никиты Алексеевича незадолго до его кончины. Вы говорили с ним о «Вестнике»?

Я пришла повидаться с Никитой Алексеевичем и принесла с собой содержание «Вестника» № 205, над которым мы работали несколько месяцев до его госпитализации. И когда я пришла, он очень обрадовался. Еще когда он заметил меня в коридоре, он стал мне подавать знаки. Он был совершенно прикован к постели, я даже думаю, что ему нельзя было двигаться. Однако он приподнялся с кровати, звал меня, а когда увидел, что я пришла с содержанием «Вестника» в руках, еще больше обрадовался. Мы обсуждали его переписку, те материалы, которые войдут в номер, и назначили следующую встречу у него дома... Он совершенно не собирался нас оставлять. Он был полон сил и энергии. Я так благодарна Богу за то, что увидела его таким – совсем не похожим на больного в момент ухода, которого мы ожидаем увидеть либо прощающимся, либо истощенным, либо раздраженным. А Никита Алексеевич весь сиял, он был полон энергии, которая передавалась тем, кто его окружал. И это осталось как главное, может быть, его наследие – вот это горение, которое было воспринято им от матери Марии и от всего лучшего, что было в русской эмиграции.

Беседовала Анастасия Наконечная

* Мать Мария (Скобцова; Кузьмина-Караваева, Е.Ю.) Встречи с Блоком: Воспоминания. Проза. Письма и записные книжки [Собрание сочинений в 5 кн. Кн. 1.] / Сост. Т.В. Викторовой, Н.А. Струве; науч. ред. и вступ. ст. Н.В. Ликвинцевой; примеч. Т.В. Викторовой, Н.В. Ликвинцевой; оформл. Е.Л. Марго.

Не разучиться видеть людей

Начало на с. 1

Мать Мария жила не просто в кризисную историческую эпоху – она стала свидетелем формирования двух тоталитарных систем. Она видела не только физические и душевные страдания людей, но и надвигающуюся на Россию и Европу «антропологическую катастрофу» – духовное разрушение личности. Всей своей жизнью она пыталась ответить на вопросы: как не стать жертвой истории? какой ценой можно спасти личность в мире тотальной несвободы? можно ли что-то сделать для восстановления человека? В поиске ответов на эти вопросы она оказалась в одном ряду с такими праведниками XX века как Дитрих Бонхёффер, Симона Вейль, Эдит Штайн.

В основу концепции выставки был положен не хронологический, а диалогический принцип. Мать Мария ведет диалог со своими друзьями и современниками, с посетителями выставки, с собой, отвечает на вопросы, перед которыми поставила ее история и собственная судьба. Покаяние за русский народ и ответственность за него; стремление преодолеть разорванность, внутреннюю раздробленность человека; христианство как творчество и свобода; церковь как соборно-личностный организм – таковы сквозные темы выставки.

Воплощение

Попытаюсь понять, что в личности матери Марии сегодня особенно «цепляет»? Почему выставка никого не оставляет равнодушным? Несколько диалогов, состоявшихся в пространстве выставки.

Молодая девушка, врач: «Знаете, чему нас в мединституте учат? Ни в коем случае нельзя смотреть на больного как на человека. Вы оказываете ему услуги. Он ваш пациент. Если вы позволите себе человеческое отношение, вы и свою душевную энергию на чужого человека потратите (а вы нужны друзьям, семье, детям), и помощь профессиональную оказать не сможете. То, что делает мать Мария, – вызов всей этой философии самосохранения. Значит, можно по-другому!»

Мать Мария: «А в революции, – тем более в гражданской войне, – самое страшное, что за лесом лозунгов и этикеток мы все разучаемся видеть деревья – отдельных людей» («Как я была городским головой»).

«Наше отношение к людям должно быть подлинным и глубинным богослужением» («О монашестве»).

«Всякий готовый ценою отлучения от Христа добиться спасения братьев своих есть ученик и последователь Христов. И наоборот, всякий пребывающий в искушении одного только самоспасе-

ния, всякий не приемлющий на себя ответственности за боль и грех мира, всякий идущий путем хотя бы «святого» эгоизма просто не слышит, о чем говорит Христос...» («Вторая евангельская заповедь»).

Женщина средних лет, сочувственно кивающая на тему детей и их воспитания: «Вот Вы говорите, они, когда в Париж попали, бедствовали, еле концы с концами сводили. На шитье кукол много не заработаешь, а на руках трое детей. Как же она могла другим помогать? Где взять силы, да и средства для помощи?»

Мать Мария: «Я не анализирую своих отношений к людям, но одно сознаю ясно: мне свойственно чувство жалости. Иногда оно овладевает мной с такой силой, что я не нахожу покоя. Не только горе, нужда или беда какая-нибудь вызывают его, но случается мне иногда встречать людей как будто вполне благополучных, но которые почему-то вызывают во мне это же жгучее, мучительное чувство... Когда людей жалко, тогда все готова сделать для них, ничего нет тяжелого, потому что все облегчение тебе самой же, чувство жалости – такая мука! Оно ищет исхода в попечении, в служении тому, кого жалеешь...»

Основа этой тайны общения – образ Богородицы, сердце которой пронзено материнской любовью ко всем в глубокое со-чувствие, со-страдании и со-распинании.

Вполне уважаемый мужчина средних лет, явно умеющий что-то организовывать и за что-то отвечать: «Не представляю, как можно ходить на рынок, варить обеды, кормить голодных, устраивать общежития – и в то же время писать стихи, проводить конференции, вышивать. Что ни говорите, а быт и творчество не соединимы».

Мать Мария: «Мы не можем дать куска хлеба, если мы не почувствуем в просителе человека... мы не хотим быть благотворителями, мы строим общую жизнь» («Православное дело»).

«Таким образом, движущей силой всякого земного творчества является сейчас в мире Дух истины... Тут как бы отрицается всякая возможность отъединенного творчества – само собой оно является актом некой соборности, некоего абсолютного общения не только с Богом, но через Бога и со всем миром, так как весь мир определяется в своих творческих возможностях как единое с Богом» («Истоки творчества»).

Обычный день м. Марии во времена ее жизни на ул. Лурмель вмещал в себя бесконечное многообразие дел: хождение на рынок, приготовление еды (порой на

100 человек) ради спасения бесприютных эмигрантов, заботы о содержании общежитий и других проектов, украшение храмов, вышивание икон, пастырскую помощь («Порой перед ее камеркой, превратившейся в исповедальню, выстраивалась длинная очередь»), поиски обнищавших по улицам и притонам, поездки в больницы для душевнобольных, проведение конференций, создание философских и богословских статей, стихов, докладов, драматических произведений (мистерий), проповеди в храме и мн. др. Все становилось творчеством, поиском и созиданием нового.

Отец Георгий Кочетков: «Она жила в творческой, духовной среде. Важно ценить, что она прошла путь. Она отрицала отрицание. Стремилась постоянно к совершенству. Она всегда достойно себя вела, что бы ни происходило. У меня ощущение, что ее путь был очень последовательный, логичный. Она всегда была за народ, была из народа, не из престонократии, а из того самого настоящего русского народа, которого сегодня уже нет».

Мать Мария: «Мы здесь являемся некой лабораторией для России... Наша миссия – показать, что свободная Церковь может творить чудеса... Если мы принесем в Россию наш новый дух – свободный, творческий, дерзновенный – наша миссия будет исполнена» («Объединение “Православное Дело” II»).

Мужчина 60 лет. На выставку попал случайно. После краткой экскурсии переглядывается с женой: «Надо ж, как она на нашу Машу похожа. Переспрашиваю: «Мать Мария внешне похожа на кого-то из Ваших знакомых?» «Нет, не внешне – характером. Точь-в-точь моя сестра: все бы раздала...».

Почти случайно этот человек выразил смысл жизненного пути матери Марии: от культурной элиты Серебряного века, от «Башни» Вячеслава Иванова и круга «последних римлян», владеющих богатством мировой культуры, до смерти в газовой камере Равенсбрюка, среди толпы женщин, обезличенных, замученных, выброшенных из жизни и из истории.

Эта новая «приближенность ко всем» («Духов день») стала ее осознанным выбором: чтобы спасти человека, надо разделить его судьбу вполне и до конца; чтобы вывести к свету, нужно сойти в ад чужой жизни.

Свидетельства союзниц: «Она была в хороших отношениях со всеми... не давала ничему второстепенному мешать общению между людьми» (Соланж Пейришон).

«Она оказывала огромное влияние

Красный город. Е.Ю. Кузьмина-Караваева (мать Мария). 1912–1917 гг.

на всех нас, каковы бы ни были наши национальность, возраст, политические убеждения... Мать Марию обожали все» (Розан Ласкру).

«Где могла и как могла поддерживала она еще не совсем потухший огонь человечности, как бы он ни выражался...» (С.В. Носович).

«...она сознательно принесла себя в жертву..., тем самым помогая каждой из нас принять свой крест» (Жакелин Пейри).

Юлия Балакшина

В тексте статьи использованы материалы концепции выставки «Я вестъ Твоя». Автор концепции Лидия Крошкина

Борьба за Богочеловечество

Из доклада Натальи Ликвинцевой «Творчество и святость: мать Мария и Симона Вейль», прочитанного на конференции «“Мы все стоим у нового порога”: свободное творчество матери Марии (Скобцовой)». Конференция открывала выставку «Я вестъ Твоя»

Меня всегда поражал тот факт, что она вышивала в концентрационном лагере. От взгляда на эти вышивки у нас что-то переворачивается внутри. Она вышивала во время переключек, стоя, доставая из-за пазухи только край, уголок за уголком, иногда, по воспоминаниям, даже одной рукой, тайком, озираясь на спящих вокруг эсэсовцев, зная, чем ты рискуешь, если все обнаружится. И самое страшное, что рискуешь не только ты: с риском для жизни был сначала не сдан и спрятан союзницей платок-нашивка, ставший основой для вышивки, посвященной высадке союзников в Нормандии; с риском он был окрашен; другая женщина, рискуя жизнью, вынесла из мастерской иглолку, спрятав ее во время обязательного обыска; с риском были добыты нитки из обмоток проводов; с риском получательница хранила вышивку. О степени риска можно судить хотя бы по такому свидетельству Розан Ласкру, рассказавшей о не дошедшем до нас лагерном рисунке матери Марии: «...она нанесла изображение на лоскут, обрывок рубашки, обуглившимся прутиком, найденным в одном из костров на территории лагеря: получился рисунок углем. Ей удалось передать поразительный взгляд распятого Христа, увенчанного терновым венцом. Конечно, рисунок мы спрятали.

Несколько недель нам удавалось его прятать, но вот однажды к нам в блок ворвались с внеплановым обыском, а нас всех выставили за дверь, пока туда к нам не выскочила вопящая Aufseher (надзирательница), размахивая кнутом и осыпая нас ругательствами. Мы не сразу поняли, в чем дело; объявили санкции: пять воскресений мы должны были провести стоя, без еды, в любую погоду!»¹. К социальному, коллективному аспекту любого творчества мы еще вернемся, но в этих чудом сохранившихся лагерных вышивках он налицо: чтобы они дошли до нас, собою рисковало множество людей, и этот риск вложен в них, стал их частью. О той же беспрецедентной степени риска, с которой жила всегда сама мать Мария, можно судить по гибели всех троих ее детей: отпустить Гаяну в страну, о правящем режиме которой у нее нет ни малейших иллюзий; позволить Юре участвовать в делах Сопротивления, погибнуть в концлагере, стать святым. Это какая-то не укладывающаяся в рамки обыденного сознания степень жертвы и свободы. И неотъемлемая часть того творчества, о котором мы, лишь в отдаленном приближении, пытаемся сейчас говорить, потому что с таким обыденным, не рискующим, или, как сказала бы мать Мария, «мещанским» сознанием, со «снижен-

ной» мыслью, оно не имеет ничего общего. Один из донесенных до нас выжившими ее союзницами заветов «лагерной» матери Марии гласит: «...непрестанно думайте, в борьбе с сомнениями думайте шире, глубже, не снижайте мысль, а думайте выше земных рамок и условий»².

После революции и случившейся со страной катастрофы тема истории просто не могла не быть в центре теоретических построений русской эмиграции. Мать Мария – прямой наследник культуры Серебряного века, в которой она начинает свой творческий путь как поэт и художник, а проблема творчества и его оправдания была нервом Серебряного века. Поэтесса Кузьмина-Караваева – участник горячих дискуссий на «Башне» Вячеслава Иванова или в гумилевском «Цехе поэтов». Она уже тогда чувствует разрыв этой утонченной культуры с жизнью и народом и делает от нее рывок – «к земле», к уединенной жизни и мысли, а из этого уединения – к осознанному христианству и к революционной эсеровской деятельности ради народа.

Окончание на с. 7

Если мы не понимаем, откуда росли корни, то к какому небу про

Из беседы с Н.Д. Солженицыной

Начало на с. 1

Куда было отступать в размышлениях? Естественно, к 1905 году. Но оказалось, что нет, гораздо, гораздо раньше началась эта рознь. К началу века существовал «Союз освобождения» – скорее атмосфера, чем организация. В него не надо было вступать, не надо было подавать заявление, не было членских взносов. Ленин говорил, что первый пункт любой организации – что нужно подать в нее заявление, вступить и платить членские взносы. В «Союзе освобождения» этого не было. Это было просто настроение: если ты против власти, то ты уже член «Союза освобождения» (это не карикатура, так и было). Но если ты при этом аплодируешь террору, то ты еще и ведущий член «Союза освобождения». Но тоже без «корочки» и без членских взносов.

Так вот, оказалось, что и это тоже вовсе не начало. И так он отступал и отступал, изучая массу источников. Это был путь и увлекательный, и очень важный. И по сегодня на этом пути можно найти ответы на многое, в том числе на вопросы, которые мы, может быть, себе не ставим, но которые перед нами наверняка встанут, и очень скоро. Потому что то межумочное постсоветское состояние, в котором находится наша страна, – неустойчиво, и вечно длиться оно не будет. И когда придут времена изменений, чем мы ответим? Даже на уровне семьи: чему мы учим наших детей? Они нашу историю сколько-нибудь знают? Каждый ли из вас считает своим долгом способствовать тому, чтобы дети знали историю своей страны? За то, что происходит в школе, мы напрямую не отвечаем, но за то, что происходит в семье, мы отвечаем в полной мере. Чего мы хотим впереди, какого будущего? Что из прошлого хотим сохранить? Ведь не все... Не случайно же случилась революция, у нее же были и вполне объективные предпосылки. Значит, что-то было, наверное, прекрасно, а что-то – плохо. И во всем этом разобраться абсолютно необходимо.

Мне удивительно повезло в том, что я была свидетелем этого пути недоумений, сомнений, переоценок и проходила его вместе с Александром Исаевичем. В начале пути нам казалось, что все как будто бы ясно. Вот есть античеловеческий коммунистический режим. Он пересажал либо запугал полстраны, он уничтожил лучшие умы, самых совестливых, самых смелых, о чем тут еще говорить? Мы должны его заклеить и вывести на свет Божий его темные тайные дела. Это так, но встает тот же вопрос: чего мы хотим в будущем? Чего мы хотим от будущего? Куда мы идем и кто мы?

Мы не знаем своей истории: как не знали, так и не знаем. Гоголь говорил: «велико незнание России посреди России». Мы никогда особенно историей не занимались, а сегодня и вовсе весь интерес сосредоточен на том, что пошло не так после революции (Октябрьской, конечно): могли бы пойти и так, а вот пошло не так. И мы делимся на тех, кто осуждает большевиков, и на тех, кто говорит: «Ну что ж, да, были некоторые издержки, но вот построили же, в конце концов, великую страну, делали ракеты и т. д.».

Но допустим, мы сейчас были бы единомышленники, и вся страна осудила бы большевистский режим. А что бы мы сообщали восстанавливали? Какую Россию мы хотели бы видеть? Чьи мы наследники? Все эти вопросы стоят перед каждым из нас.

Эти же вопросы встали сорок лет назад перед Александром Исаевичем. Об этом лучше всего скажет он сам. Все, наверное, читали «Архипелаг ГУЛАГ» и помнят то место, где автор рассказывает, как за год до освобождения ему сделали операцию по удалению раковой опухоли: «В той самой послеоперацион-

ной... я пролежал долго, и всё один, бессонными ночами перебирая и удивляясь собственной жизни и её поворотам. Оглядысь, я увидел, как всю сознательную жизнь не понимал ни себя самого, ни своих стремлений. Мне долго мнилось благом то, что было для меня губительно, и я всё порывался в сторону, противоположную той, которая была мне истинно нужна. Но как море сбивает с ног валами неопытного купальщика и выбрасывает на берег – так и меня ударами несчастья больно возвращало на твердь.<...> Согнутой моей, едва не подломившейся спиной дано было мне вынести из тюремных лет этот опыт: как человек становится злым и как добрым. В упоении молодыми успехами я ощущал себя непогрешимым и оттого был жесток. <...> В самые злые моменты я был уверен, что делаю хорошо, оснащен был стройными доводами. На гниющей тюремной сололке ощутил я в себе первое шевеление добра. Постепенно открылось мне, что линия, разделяющая добро и зло, проходит не между государствами, не между классами, не между партиями – она проходит через каждое человеческое сердце – и через все человеческие сердца. Линия эта подвижна, она колеблется в нас с годами. Даже в сердце, обьятом злом, она удерживает маленький плацдарм добра. Даже в наидобрейшем сердце неискоренный уголок зла.

С тех пор я понял правду всех религий мира: они борются со злом в человеке (в каждом человеке). Нельзя изгнать вовсе зло из мира, но можно в каждом человеке его потеснить.

С тех пор я понял ложь всех революций истории: они уничтожают только современных им носителей зла (а не разбирая впопыхах – и носителей добра) – само же зло, еще увеличенным, берут себе в наследство».

Вот тот нравственный багаж, те выводы, которые Александр Исаевич к этому времени сделал. И багаж знаний был большой, он уже собрал массу материала. И вот, опираясь на этот багаж, он начал погружаться в российскую историю. Еще в России, несмотря на запрет выдавать ему в архивах и библиотеках исторические материалы, он многое смог всё-таки получить с помощью целого отряда «невидимок», они доставали для него изданные в первые после-революционные годы «Красный архив», «Белое дело», все эти журналы... Но, конечно, это не идет ни в какое сравнение с тем, что ему стало доступно, когда нас выслали. Потому что в Гуверовском институте в Стэнфорде мы нашли самое большое собрание документов (ну разве что в наших закрытых архивах, может быть, более богатое). И там начался просто «пир источников».

Надо сказать, что наше соработничество было не только счастливым, но и успешным, эффективным еще и потому, что мы оба по образованию математики. А это связано с умением правильно выстроить огромный материал, в каждый момент правильно определять приоритеты большой работы и т. д. И вот мы жили с этими тысячами страниц материалов. «Математическая» точность и просто человеческое качество – невероятная добросовестность – заставили Александра Исаевича не воспользоваться в конечных своих текстах ни одним (даже совсем мелким) со-бытием, если он не находил ему «перекрестного подтверждения» по крайней мере из двух независимых источников. Тогда в эмиграции было еще много людей, которые воевали в Первую мировую, были молодыми офицерами. Они все прочли придирчиво «Август Четырнадцатого» и не поправили ни в одной запятой. Этим по праву можно было гордиться.

Александра Исаевича несколько смущал тот поворот взгляда, который

произошел после знакомства с новыми источниками. Вот что он писал об этом в 1976 году, через сорок лет после первого замысла книги:

«Помню, профессор Кобозев часто и настойчиво меня спрашивал: “А как вы всё-таки точно относитесь к Февральской революции? что вы о ней думаете? Была ли она полезна для России? была ли неизбежна? и неизбежно ли из неё вытекала Октябрьская?” – Я всегда отмахивался: во-первых потому, что я ведь шёл к Октябрьской, всё определившей, а что там проходная Февральская? Во-вторых, неизбежность и полезность Февральской общеизвестны. В-третьих: если бы художник мог всё заранее сформулировать – не надо бы и романа писать. А всё откроется само лишь по ходу написания.

И действительно, начало открываться само – и вот только когда! Натуральными обломками предфевральских и февральских дней – мнениями подлинными и мнениями, придуманными для публики, лозунгами, лжами, быстро организовавшейся газетной трескотней с её клеймами, несвязанностью столичных событий со страной, ничтожностью, слепотой или обречённой беспомощностью ведущих вождей революции – я был теперь закидан выше головы как хламом, и выбарахтывался из этого хлама с образумлением и отчаянием.

Без нарастающего, громоздящегося живого материала тех лет – разве мог бы я до этого сам додуметь?!

Я был сотрясён. Не то чтобы до сих пор я был ревностный приверженец Февральской революции или поклонник идей её, секулярный гуманист, – но всё же сорок лет я тащил на себе всеобщее принятое представление, что в Феврале Россия достигла свободы, желанной поколениями, и вся справедливо ликовала, и нежно колыхала эту свободу, однако, увы, увы – всего восемь месяцев, из-за одних лишь злодеев-большевиков, которые всю свободу потопили в крови и повернули страну к гибели. А теперь я с ошеломлением и уже омерзением открывал, какой низостью, подлостью, лицемерием, рабским всеединством, подавлением индодумающих были отмечены, исоставлены первые же, самые “великие” дни этой будто бы светоносной революции, и какими мутными газетными помоями это всё умывалось ежедневно. Неотвратимая потерянная Россия – зазяла уже в первые дни марта».

Потом нам пришлось, как я уже говорила, отступать все дальше и дальше, чтобы понять, откуда вообще взялась вот эта февральская неподготовленность. Ведь что случилось? Наши лучшие умы, наши кадеты, которые были людьми образованнейшими (и многие

из них еще и благородными, прекрасными, гордостью России), не сумели создать сколько-нибудь серьезного правительств. Из-под Временного правительства «вытащили кресло» на третий день. Дальше они просто занимали место. Как это могло случиться? Не хватало знаний? – Нет. А чего не хватало? Какие свойства нашего национального характера тут сказались?

Дело в том, что когда мы чем-то недовольны, что-то критикуем и пытаемся изменить, мы не готовимся по-серьезному к этим изменениям. А ведь когда у вас в руках огромная страна или даже просто какое-то объединение людей или какая-то местность, надо обязательно «думать вперед»: а как при желаемых переменах организуется повседневная жизнь ее – и физическая, и духовная? Пытаясь что-либо изменить (уж не говоря разрушить), необходимо брать на себя эту огромную ответственность, нужно об этом думать и быть к переменам готовыми. У русских людей есть великий дар мыслить, великий дар верить. Но в конкретных действиях нам свойственна какая-то благодушная лень и несобранность, и кроме того почти трагическая неспособность к самоорганизации.

Есть замечательное движение – читать имена репрессированных. Оно вызывает сердцебиение, оно вызывает слезы у прохожих, и хочется поклониться каждому, кто, стоя на морозе, читает эти списки. Но это ведь не может длиться вечно. Мы все дальше отходим от этого времени. Сейчас еще девочка, которая читает имена погибших в сталинских лагерях, знает, что её прадедушка был репрессирован, есть какие-то личные воспоминания. Но пройдет еще 20 лет и уже встанет вопрос: а почему мы это делаем? Мы же и перед многими другими виноваты, например, перед погибшими в Первую мировую войну, которых большевики затолкали в полное забвение и неизвестность. В 2014 году впервые немножко стали об этом говорить. Но это же была трагическая война, на ней погибло огромное число русских мальчиков, и молодых людей, и замечательных молодых мужчин, получивших прекрасное образование (не обязательно высокое образование, пусть крестьянское, но образование). Они тоже были носителями большой цивилизации и они сгнили вообще неизвестно где – ни памятников, ничего нет. И как? И мы же все с этим спокойно жили. Мы все наше внимание обращаем только на то, что сделали большевики. Правильно, этого нельзя простить, за это нужно каяться, все так. Но что мы хотим восстановить? Как это узнать и как вспомнить? Да, они перешибли народу хребет. Мы делаем попытку узнать: а каков был тот хребет?

Первый состав Временного правительства. Агитационный плакат. Март 1917 года

тягиваем свои ветви?

Ведь если мы не понимаем, откуда росли корни, то к какому небу мы протягиваем свои ветви, какого неба хотим достичь своей кроной? Эта связь была разрушена. И очень мало людей печалится об этом. Лишь некоторые из нас чувствуют эту боль от топора, который вонзился в ствол, и пытаются ее в этом чтении имен донести до тех, кто идет мимо равнодушно и ничего не чувствует. И если мы смотрим в будущее, то мы должны прежде посмотреть, откуда растут наши корни.

Именно в этих поисках мы пошли дальше, глубже, изучая при этом тысячи страниц книг, журналов, микрофильмов. В библиографии «Красного Колеса» больше трех тысяч наименований. И так отступая, мы дошли до Александровских реформ. (Конечно, можно было идти и дальше, дальше, к Рюрикам, но это уже было бы неконструктивно.) Почему до Александровских реформ? Потому что, хотя и считается, что до них страна управлялась монархом, но на самом деле крестьянами (т. е. 80-тью процентами населения) управляли помещики, и государство совершенно не вмешивалось в это управление. Монарх, конечно, тоже как помещик отвечал за своих крестьян – но не государства. Помещик отвечал за их благосостояние, за их физическое состояние, за их приверженность православию – за весь порядок жизни. Так что абсолютная монархия в жизнь крестьян не вмешивалась, это делал только конкретный помещик. Александр II, как мы знаем, освободил крестьян. И вот тут началась другая эпоха – кто будет отвечать, как управлять? Государство не взяло на себя ответственность за устройство жизни всего огромного населения. И тогда – к счастью для России, потому что это был удачный опыт – возникло земство. Земство – это выборное дело, у него должно было быть четыре ступени: волостное, уездное, губернское и всероссийское. Волостное – это несколько сёл, несколько деревень. И если бы оно было, то выбранные люди были бы крестьянами. Но вот тут государство вмешалось и волостного земства не допустило, как не допустило и всероссийского, то есть не допустило выборных подняться до самого верха. Допущено было земство уездное и губернское. Тем не менее началось бурное строительство земств уже при Александре II, а потом при Александре III это продолжилось и земства достигли очень больших успехов.

Мы с Александром Исаевичем первые два с половиной года после высылки жили в Швейцарии, а потом переехали в Америку. И там, и там мы наблюдали местное самоуправление, совершенно по-разному устроенное в этих странах. Но и там, и там оно имеет гораздо больше полномочий, нежели центральная власть. В Швейцарии лю-

бой кантон гораздо сильнее центрального правительства, а в Америке мы просто были участниками так называемого «таунмитинга»¹. В Новой Англии это просто городское собрание всех людей, и они поднятием руки решают: местные средства мы направим на то, чтобы починить крышу школы, или на то, чтобы сделать краеведческий музей? Так что жизнь людей на местах, скажем, в Америке зависит от местного самоуправления больше, нежели от Вашингтона. Почему это возможно? Почему это было возможно в России? Потому что местные налоги никуда не уходили. Земство собирало средства и само решало, как их использовать. Точно так же и в Швейцарии. Это и есть демократия. У нас сегодня есть некоторые признаки демократии: есть свобода печати (пусть и с определенными издержками), есть свобода передвижения – можно ездить за границу, и это очень важно. Но главного признака демократии, когда народ может участвовать в решении вопросов, которые касаются его ежедневной жизни, которые касаются его детей, пока что нет в нашей стране.

Александр Исаевич видел в возрождении реального местного самоуправления одну из главных надежд. Поэтому закончить мне хотелось бы его словами: «Введение земской системы не может быть иным, как медленно постепенным, как дерево растёт, не задаваясь никакими искусственными сроками... Развитие ступенчатой системы отнимет немало лет: чтобы каждая ступень имела время освоиться с задачами – и выделить представителей в ступень вышестоящую. (Конечно, и об этой, как и любой другой предлагаемой системе так же возражат: «да всё равно пролезут карьеристы и воры!») Но это – философия отчаяния: тогда вообще не надо ни искать, ни предпринимать ничего, а сразу опустить руки: мы погибли.)

...Такая земская вертикаль, независимо выросши рядом с вертикалью правительственной (у которой наибольшая компетенция наверху, но сильное сужение её книзу), создала бы в России [сочетанную власть – государственно-земский строй,] – при котором одновременно и сохраняется централизованное государственное управление – и жизнь народа реально направляется им самим. На каждом уровне – местном, уездном, областном и высшем – правительственная вертикаль проверяет земскую на строгое выполнение законов, а земская правительственную – на честность и открытость ведения дел. И власть так же оказалась бы под совместным просвечиванием земской вершины (чего ныне так не хватает нам). Государство должно строиться одновременно и сверху, и снизу»².

¹ Термин townmeeting образован из слов town – небольшой город и meeting – собрание.

² Из статьи «Россия в обвале».

Борьба за Богочеловечество

Из доклада Натальи Ликвинцевой «Творчество и святость: мать Мария и Симона Вейль», прочитанного на конференции «“Мы все стоим у нового порога”: свободное творчество матери Марии (Скобцовой)». Конференция открывала выставку «Я весть Твоя»

Начало на с. 5

Уже в эмиграции она пишет воспоминания «Последние римляне» (1924), где анализирует этот разрыв между культурной элитой и народом как одну из причин разразившейся катастрофы, осмысляя ее в аспекте личной вины и ответственности, а ответственность уже предполагает возможность выхода, это всегда не тупик, а прорыв. В статье «В поисках синтеза» она замечает, что разрыв, на самом деле, идет гораздо глубже и начался гораздо раньше, что это не просто разрыв, а разлом, проходящий между формальной церковностью и подлинным творчеством, между церковной и светской культурой, между творческими, ищущими людьми и церковью. Исцеление России после катастрофы революции возможно только на путях такого творческого преображения всего мира, путях синтеза церковности и культуры. Эту перспективу мать Мария рассматривает через призму своего любимого «соловьевского» термина «Богочеловечество»: акцент только на одном, будь то Божественном, будь то человеческом начале в нем, оказывается губительным: «Не за Божественное начало и не за человеческое, – не за обезлюженную церковь и не за гуманизм, а за Богочеловечество должна сейчас идти борьба»³. Оцерковление культуры, оцерковление жизни – об этом много думали в РСХД с самого момента его зарождения. Только такой синтез подлинной церковности и подлинного творчества сможет вывести историю из тупика, превратить ее из ряда катастроф в историю Богочеловечества.

Стоит сказать два слова и об антропологическом аспекте этой теории творчества, о человеческой составляющей Богочеловечества. Человек, реальный, живой и конкретный, всегда неповторимый и многообещающий – даже когда находится в стане идеологических противников или по ту сторону линии фронта гражданской войны, его жизнь и искания – всегда были центральной темой всех произведений матери Марии. Всем встреченным в ее жизни людям и каждому из них в отдельности она и отдала, раздала свою жизнь до конца, без остатка: думала, как накормить, одеть, дать кров, утешить, как стать матерью всем и каждому, вплоть до гибели за них и с ними в переполненной газовой камере. Это ее обнимающее внимание к человеку нацелено на то, чтобы его оживить, вернуть к жизни, помочь стать собой, т. е. как раз человеком, венцом творения, созданным по образу и подобию Божию. Ее «мистика человекообщения» – это такой угол зрения одного человека на другого, при котором даже под густым слоем греха можно в каждом разглядеть сияющий лик Бога. Такая антропология особенно контрастна идеологии современных ей тоталитарных обществ, нацеленной как раз на расчеловечивание человека, на сведение его к обезличенному состоянию винтика в государственной машине. Человеку, личности, творчество не просто даровано как его атрибут, оно вменяется ему в обязанность: мать Мария пишет о том, что у человечества «не только право, но и обязанность» «творить свое человеческое дело»⁴.

Неотъемлемой чертой того творчества, о котором пишет и которое собой являет мать Мария, будет любовь. И это даже не этический императив творчества, не требование совпадения творимой красоты с добром и нравственностью, а нечто гораздо большее и неожиданное: создание чего-то будет творчеством, а не производство продуктов креативности, если в самом этом процессе создания присутствует любовь, движет им и направляет его: любовь к Богу и любовь к миру, к двум сторонам все того же моста. Любовь,

Вышивка матери Марии

лежащая в сердцевине подлинного творчества, таким образом не отделяет человека-творца от Бога и мира, но оказывается новым шагом к ним, новым звеном, соединяющим такого человека с Богом как источником любви, и с миром как ее объектом: со всеми теми страждущими и жаждущими, обездоленными и несчастными людьми, служением которым и была жизнь матери Марии. Творчество – не объединяющий фактор, не башня из слоновой кости, – оно по природе своей социально. Мать Мария пишет: «Тут как бы отрицается всякая возможность отъединенного творчества, – само собой оно является актом некой соборности, некоего абсолютного общения не только с Богом, но через Бога и со всем миром, так как весь мир определяется в своих творческих возможностях как единое с Богом»⁵.

Стоит отметить еще одну не совсем обычную черту в подходе матери Марии к творчеству, выразившуюся в том, что именно она под этим творчеством понимает. Потому что мы чаще всего к творчеству относим писание стихов или картин, а вот чистку картошки или мытье полов отнести к нему не спешим. А у матери Марии все не так. Она нашла для определения всех наших относящихся к творчеству действий емкое и все объемлющее собой слово «дело», и свое главное детище так и назвала – «Православное Дело». В таком делании обращает на себя внимание сам этот вкус к работе, одинаковый – к любой: самой черной и самой изысканной и уточненной, и к уборке, готовке, хождению с мешком на рынок, и к писанию стихов и созданию поразительных вышивок, – к обживанию пространства этого мира, которое она делала пригодным для жизни везде, где появлялась, вплоть до барака нацистского концлагеря⁶.

¹ Rosan Lascroux. Temoignage sur la detention de mere Marie // Contacts. 2004. Vol. 55. № 208.

² Свидетельство С.В. Носович, см. Гак-кель С. прот. Мать Мария. Париж: YMCA-Press, 1980. С. 242.

³ Мать Мария. Воспоминания. Статьи. Очерки. Paris, YMCA-PRESS, 1992. Т. 2. С. 134.

⁴ Там же. С. 134.

⁵ Мать Мария. Воспоминания. Статьи. Очерки. Paris, YMCA-PRESS, 1992. Т. 2. С. 147.

⁶ Оливье Клеман в своей статье о матери Марии верно подметил одну из ключевых особенностей всей ее деятельности: «...мать Мария умела создавать особые места, где бурлила и пламенела жизнь». См.: О. Клеман. В пустыне сердец // Вестник РХД. 2010. № 196, I. С. 71.

Немолчащая Церковь

Борис Талантов в молодости. 1940 г.

Начало на с. 1

Позже он писал: «Всю свою жизнь я стремился к единственной цели – познать истину. Для этого изучил... многие науки, философию и атеистическую литературу... и пришел к твердому убеждению, что полная и непреложная истина находится только в учении Христианской Православной Церкви»³.

Б.В. Талантов никогда не скрывал свою веру. Его современники свидетельствуют о том, что он всегда молился около храма, не опасаясь какого-либо преследования: «Остановится, проходя возле церкви, и кладет поклоны, крестится, молитвы читает». Своей жене говорил: «Если ты исповедуешь веру, нельзя прятать ее в карман, не надо бояться делать это открыто»⁴. Он боролся за чистоту Русской православной церкви, оставаясь верным ее членом, никогда не призывал создавать параллельные церковные структуры или уходить в секты.

Он был очевидцем многих событий и на своем опыте познал тяжесть сталинских репрессий: отец-священник и родной брат погибли в сталинских лагерях.

В записной книжке Бориса Талантова за 1964 год есть раздел под названием «Важные даты истории Русской церкви после Октябрьской революции», где он дает краткую оценку главным событиям в жизни церкви до середины XX века. Вопреки мнению некоторых церковных деятелей, видевших в действиях митрополита Сергия (Страгородского) вынужденную меру в целях сохранения церковных приходов и священнослужителей, Б.В. Талантов считал, что в подписании Декларации государственная власть увидела слабость церкви, «готовность нового Церковного Управления исполнять беспрекословно любые приказания гражданской власти. Готовность выдать на произвол властей, под видом контрреволюционеров, церковнослужителей, дерзнувших обличать произвол и насилия»⁵. Заявление митрополита Сергия на пресс-конференции в 1930 году о том, что никакого гонения на верующих в СССР нет и никогда не было, Борис Владимирович называет «чудовищной ложью и низким предательством Церкви и верующих». По его мнению, «корни тяжелого кризиса <...> были заложены именно Патриархом Сергием». Гибельным для церкви является то, что епископы являются послушными орудиями атеистической власти, «встали на погибельный путь рабского подчинения всем незаконным распоряжениям совета (Совета по делам РПЦ), направленным на разрушение Церкви и искоренение христианской веры в нашей стране»⁶.

Б.В. Талантов считает, что политика митрополита Сергия не принесла никаких положительных результатов. Церкви повсеместно закрывались, церковнослужители подвергались гонениям, многие из них оказались в лагерях: летом 1939 года в Патриаршей Церкви

осталось только четыре правящих архиерея. Вся последующая политика Сталина по отношению к церкви была продиктована чисто политическими интересами и не была напрямую связана с действиями митрополита Сергия. По мнению Б.В. Талантова, мужественное выступление митрополита Сергия в защиту правды и веры могло бы иметь большее значение для судеб Русской Православной Церкви. В подтверждение своих слов он приводит в пример мужественную и последовательную борьбу за веру и правду кардинала Вышинского. В результате его политики церковь в Польше приобрела независимость от государства и подлинную свободу.

Ситуация, в которой оказалась Русская православная церковь в 50-е–60-е годы XX века, – прямое доказательство слов Бориса Талантова о том, что государственная власть почувствовала себя полноправной хозяйкой в определении внутренней и внешней жизни церкви⁷. В 1959 году Б.В. Талантов пишет письмо «Вопросы Преосвященному Поликарпу...» В нем он обращается к управляющему епархией, а через него и к патриарху с рядом вопросов, выражая недоумение бездействием священнослужителей в ситуации начавшегося наступления на церковь со стороны государства. Второе письмо епископу Поликарпу он написал в ноябре 1965 года. (С 1962 года епископ Поликарп служит в Архангельской епархии). В отличие от первого письма второе попадает к адресату и имеет совсем другую направленность. Судя по тону письма, в котором Б.В. Талантов делится своим беспокойством по поводу происходящей несправедливости и незаконных действий со стороны епископа Кировского и Слободского Иоанна, Борис Владимирович ищет у епископа Поликарпа поддержки. Видимо, его отношение к епископу Поликарпу поменялось. В 1965 году он видит в нем человека, который может иметь независимую позицию. Такого же мнения придерживается исследователь жизни и деятельности Б.В. Талантова Е.С. Останин⁸. В этом письме Борис Владимирович выражает свою уверенность в том, что «все мыслящие и твердые верующие не должны спокойно взирать на то, как обманом злые делатели разрушают Церковь Христову». Обращаясь к епископу Поликарпу, Борис Владимирович пишет: «Необходимо, прежде всего, объединить всех верующих. Мы должны знать друг друга и знать тех архипастырей, которые еще остались верными Христу. Эту цель и преследует настоящее письмо. <...> Наступает время кризиса церковной жизни, и каждый истинно верующий человек по мере своих сил должен потрудиться на благо Церкви, на укрепление веры евангельской». Приписка в конце письма: «Сестра Афанасия возвратилась в г. Киров из поездки к епископу Поликарпу 13 декабря. Он внимательно прочитал все мои письма и велел передать, что все мои утверждения относительно князей церкви верны. Необходимо бороться с предательством и моральным разложением духовенства (14.12.1965)»⁹.

Возможно, руководствуясь благословением епископа Поликарпа, Б.В. Талантов начал открытую борьбу с «нечестием духовенства». Уже в июле 1966 года получило огласку его «Открытое письмо верующих Кировской (Вятской) епархии Патриарху Алексию и всем верующим Русской Православной Церкви», которое кроме него подписали еще одиннадцать человек. Оно появилось после опубликования и распространения знаменитого обращения священников Глеба Якунина и Николая Эшлимана в адрес патриарха от 21 ноября 1965 года. По словам Н.А. Струве, «вятский документ – первое «аминь», произнесенное словом двух священников. Но его значение и в другом. Московские священники обобщили страдальческий опыт Русской Церкви за последние годы. Вятский документ – замечательная иллюстрация к их обобщениям»¹⁰. Важно отметить, что открытое письмо 12 верующих Кировской епархии

не было спровоцировано появлением «обращения священников Н. Эшлимана и Г. Якунина», а явилось результатом всей разнообразной деятельности по защите прав верующих и борьбе за Церковь, которую вел Б.В. Талантов с 1959 года. Подтверждение этому можно найти в его письме оо. Николаю Эшлиману и Глебу Якунину от 26 июля 1966 года, в котором он сообщал: «Я начал открыто бороться с нечестием в Русской Православной Церкви с 1961 года. В течение 5 лет я ни от кого не видел действенной поддержки и поэтому начал приходить в уныние. Неужели, думал я, нет в Русской Православной Церкви ни одного священника или епископа, который открыто бы встал на защиту истины?»

В «Открытом письме...» Б.В. Талантов приводит многочисленные факты нарушения церковных канонов и пособничества властям в закрытии храмов со стороны управляющего делами Кировской епархии епископа Иоанна (Иванова). Верующие просили удалить епископа Иоанна из их епархии и называли кандидатов, которые могли бы заменить его в этой должности. Среди них значилось имя архим. Серафима (Суторихина), уроженца г. Кирова. В конце письма выдвигался ряд требований, направленных на изменение ситуации в РПЦ. Это письмо получило огласку за границей. 25 февраля 1967 года оно было прочитано на радиостанции Би-би-си. Надо заметить, что хотя позднее на допросах Б.В. Талантов отрицал свою причастность к передаче этого документа за пределы СССР, скорей всего, он сам был инициатором этой огласки. После обнародования письма начались гонения со стороны КГБ на автора письма и на тех, кто поставил под ним свои подписи. Их склоняли к тому, чтобы они отказались от причастности к его написанию. Борису Владимировичу сначала грозили тюрьмой, а потом «предложили отказаться от «Открытого письма» в форме письменного заявления, которое можно было бы опубликовать в одной из местных газет»¹¹. Как показывают архивные документы¹², Б.В. Талантов подтвердил свое авторство и истинность всего того, о чем написано в письме. Среди тех, кто подписал прозвучавшее на весь мир письмо, так же значились верующие г. Кирова и Кировской области: И.С. и Е.М. Халявины, В.Д. Царегородцева, Г.Т. Ворончихин, Е.В. Жаровцева, П.В. Машковцева, Е.И. Овечкина, К.Г. Лохтева, Е.С. Лышняя, А.Д. Зырянова. Важно отметить, что это были не случайные люди. Е.М. Халявина упоминается в документах Бориса Владимировича среди тех, кто защищал от закрытия храм в селе Рои в 1961 году. Она в связи с этим подверглась репрессиям: была избита и осуждена на один год тюремного заключения¹³. Г.Т. Ворончихин был «ходоком» в Москву по делам защиты храмов от закрытия, а значит доверенным лицом Б. Талантова. А.Д. Зырянова, старушка из г. Белая Холуница, постоянный «ходок» по открытию Всесвятской церкви, незаконно закрытой в 1962 году¹⁴. Е.И. Овечкина – член братства, внесенная в список первых пятнадцати братчиков в 1960 году. Всех этих верующих власти склоняли к тому, чтобы они отказались от своих подписей под «Открытым письмом...». Но, несмотря на это, они не пошли на уступки, «четверо из них <...> направили письмо патриарху Алексию I, в котором подтвердили сознательность своих действий»¹⁵. Среди верных помощников Б. Талантова был Никодим Николаевич Каменских, 1942 г.р. В 1965 году ему удалось поступить в Одесскую духовную семинарию. Будучи студентом 2 класса этого учебного заведения, он подписал «Открытое письмо...», за что подвергся репрессиям и был исключен из числа ее студентов «за несоответствие духу семинарии». Несмотря на все угрозы со стороны власти, Н.Н. Каменских не отказался от причастности к этому документу, написав в официальном заявлении: «Еще раз подтверждаю истинность

Лица и судьбы

*В президиум Верховного Суда РСФСР
был осужден Маламатов
Борис Владимирович? Киров-7
1/2 ОР 216/7 - 100град*

*Надзорная жалоба.
Привожу судейский Коллегии по уголов-
ным делам Кировской обл. суда от 31/5-1969. 2
осужден по ст. 190 УК РСФСР к двум годам ли-
шению свободы в ИТК общего режима. Этот
приговор Судебной Коллегии по уголовным
делам Верховного Суда РСФСР 20 октября 1969.
был оставлен без изменения.*

*Я был осужден не на основании свиде-
тельских показаний, а на основании фальшивых
рукописных литературных материалов:
1. Жалоба Генеральному Прокурору СССР, на-
писанная весной 1968г.
2. Работы "Совские обличения", написанные
весной 1968г.*

Надзорная жалоба, написанная Б.В. Талантовым в тюрьме

своей подписи и свое согласие с содержанием документа».

3 сентября 1969 года Борис Талантов был приговорен к 2 годам тюрьмы за антисоветскую деятельность. «В своем обращении к суду он еще раз отметил, что по-прежнему не отказывается ни от чего им написанного, что все его письма содержат лишь правдивый фактический материал. Борис Владимирович подчеркнул, что он остается верным Православию, своим идеалам и убеждениям»¹⁶. Об этом же свидетельствуют его письма из тюрьмы¹⁷.

4 января 1971 года Б.В. Талантов умер в тюрьме от тяжелой болезни за полгода до окончания срока заключения. Архиерейским собором Русской православной церкви Заграницей в 1981 году он был причислен к лику новомучеников и исповедников Российских.

Из бакалаврской работы выпускницы СФИ Марины Чиликиной «Борис Талантов и братство вятских христиан как опыт церковного сопротивления хрущевским гонениям на РПЦ»

Фотографии с сайта Евгения Останина, исследователя жизни и творчества Бориса Талантова

¹ Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущёве. (Государственно-церковные отношения в СССР 1939-1964 годах). М. : Крутицкое Патриаршее подворье: Общество любителей церковной истории, 1999. С. 349.

² Талантов Б.В. Дневники 1943–1945, 1947 гг. Тюремная переписка 1969–1970 гг. Киров: Радуга – ПРЕСС, 2015. С. 5.

³ Талантов Б.В. Ответ верующего на статью «Куда идут деньги верующих // Собрание документов самиздата, т. 11, АС № 703. Б-ка Музея и общественного центра «Мир, прогресс, права человека» имени Андрея Сахарова. С. 14.

⁴ Талантов – последний исповедник // Интервью с Е.С. Останиным. Режим доступа: http://ruskline.ru/monitoring_smi/2007/03/12/talantov_poslednij_isповедник (дата обращения: 18.03.2016).

⁵ Талантов Б.В. Сергиевщина или приспособленчество к атеизму (Иродова записка) С. 3.

⁶ Открытое письмо верующих Кировской (Вятской) епархии Патриарху Алексию и всем верующим Русской Православной Церкви. С. 2.

⁷ Об этом свидетельствует справка от-дела пропаганды ЦК КПСС, в которой дается оценка церковной реформы 1961 года. В ней прямо указывается на то, что навязанная государством реформа церковного управления «позволила воздействовать на исполнительные органы церковных общин в интересах государства. <...> Совет по делам РПЦ получил возможность держать под строгим контролем деятельность Московской патриархии. Влиять на все принципиальные решения главы Церкви

и Синода, оказывать воздействие на под-бор епархиальных архиереев и всех других руководителей церкви». В этом документе указывается на то, что «многие мероприятия проводились церковными руками» (РГАН. Ф. 5. Оп. 62. Д. 37. Л. 162, 163).

⁸ Останин Е.С. О двух тактиках сохранения церкви в атеистическом государстве: Борис Талантов против Сергиевщины // Сборник материалов III Межрегиональной церковно-научной конференции «Обретение святых». Киров, 2012. С. 176.

⁹ Талантов Б.В. Моя борьба с нечестием духовенства. 1965 год. Рукопись. Епархиальный архив Вятской епархии. Личный фонд Б. Талантова. Ф. 51. Оп. 1. С. 127.

¹⁰ Вестник РСХД. 1966. № 82. С. 1.

¹¹ Останин Е.С. О двух тактиках сохранения церкви в атеистическом государстве. С. 174.

¹² ГАКО. Ф. Р2169. Оп. 45. Д. 9. Л. 78, 88, 89.

¹³ Талантов Б.В. Бедственное положение православной церкви в Кировской области и роль Московской патриархии. С. 34.

¹⁴ ГАКО. Ф. Р-2169. Оп. 45. Д. 16. Л. 32, 36.

¹⁵ Талантов Б.В. Жалоба Генеральному про-курору СССР Р.А. Руденко о преследовании церкви в Кировской области. С. 3.

¹⁶ Роуз Серафим, иером. Борис Талантов – исповедник Православия в атеистическом обще-стве. Режим доступа: <http://www.apocalyptism.ru/Rous-Talantov.htm> (дата обращения: 01.04.2016).

¹⁷ Талантов Б.В. Дневники. Тюремная пере-писка.

Как не потерять время жизни на земле впустую

Фрагменты встречи, открытой для всех

Священник Георгий Кочетков: На следующей встрече мы познакомимся с каждым из вас – для того, чтобы определиться с тем, как и в какой форме нам с вами продолжать наши собеседования на такие же горячие актуальные темы, что и на предыдущих встречах*. А что же мы с вами делаем сегодня? В прошлый и позапрошлый раз я прежде всего слушал вас и только комментировал наш разговор или как-то выстраивал его в зависимости от складывающейся ситуации. И сейчас я хотел бы немного рассказать о настоящем христианстве – не о том, которое является неким его «рекламным вариантом», а о том, которое существует уже две тысячи лет и внутренне осталось за это время совершенно неизменным, хотя претерпело, конечно, огромные изменения по внешним своим формам существования и продолжает меняться. И первое, что я хотел бы сказать, – не бойтесь в духовной жизни ни того, ни другого: ни стабильности, ни динамики. Настоящая духовная жизнь всегда очень динамична. Надеюсь, что вы со мной согласитесь.

К сожалению, я до сих пор часто сталкиваюсь с мнением, будто христианство очень приспособляется, все время меняется в зависимости лишь от внешних обстоятельств. Те, кто так думает, обычно считают, что это плохо: разве это хорошо – приспособляться к жизни? Но тем не менее сами они приспособляются к жизни и не считают, что это плохо. С другой стороны, некоторые с таким же осуждением думают, что христианство как установилось две тысячи лет назад, так и стоит недвижимо: вот было написано Писание, было дано учение Христа и апостолов – и все, и ни туда, и ни сюда. И то, и другое неправильно, и то и другое не соответствует и не может соответствовать действительности. Вы прекрасно понимаете, что христианство базируется на глубинах духовной жизни и многое, многое может дать каждому человеку на земле. Но именно дух – самое вечное и неизменное и одновременно самое живое и мобильное начало, какое может знать человек.

Что еще важно сказать? Христианство строится на даре Духа, на духовном возрождении, на духовном прорыве и на личностном основании. Оно всегда лично и адресует каждому человеку как взгляд глаза в глаза, но оно же соборно (что совсем не значит коллективно). Термин «соборность» (по-гречески «кафоличность») достаточно сложный, подробно его сейчас изъяснять, наверное, нет смысла, скажу лишь, что это форма глубинного единения, открытости и общения, что особенно важно и ценно для современных людей. Ведь больше всего они страдают от невозможности общения. Они вступают в бесконечные контакты, на них постоянно «наплывает» множество всякой информации, всяких впечатлений, иногда совсем неплохих, но, во-первых, часто в той или иной форме виртуальных, а во-вторых, объективных, мертвых, и потому не приводящих к общению.

Общение – это глубинное соединение. Это не просто возможность сообщить другому какую-то информацию, пусть даже очень ценную и важную. Мы не можем сказать, что Христос «принес нам новую информацию». Все попытки такого изъяснения христианства будут неверны. Это не «новый тренд», это что-то принципиально иное.

Я должен здесь оговориться еще и еще раз: говорить о христианстве в наше время очень трудно, потому что при этом традиционно используются слова, которые все люди как-то слышали и как-то знают, но смысл этих слов часто

Вели встречу председатель Преображенского братства Дмитрий Гасак, духовный попечитель братства священник Георгий Кочетков и член Свято-Андреевского малого православного братства Лариса Харченко

оказывается подменен. Мы можем говорить о соборности, а подразумевать коллективизм, говорить о личности, а подразумевать индивидуализм, говорить о свободе, которую дарует каждому человеку Христос, и о любви – но под свободой и любовью люди тоже подразумевают очень разные вещи, как и под другими словами, обозначающими фундаментальные духовные понятия, такие как истина, дух, свет и другие.

Христианство базируется на даре Духа, но, конечно, связано с именем Христа. Христос – не собственное имя Иисуса, а греческий перевод еврейского слова «Машиах (Мессия)» – «Помазанник». А Иисус – эллинизированная форма имени Иешуа. Ведь Новый завет был написан на греческом, в отличие от первой части Библии, Ветхого завета, который был написан в большей своей части на древнееврейском языке. В Ветхом завете говорится о том, что было до Христа – не против Христа, а до Христа. Это очень важно знать для того, чтобы, понимая какие-то условности, связанные с историческими формами жизни людей, уметь по достоинству ценить все то, что нам приносит история человеческого духа. Ведь значение истории прежде всего не в изменении форм государственности, семьи или частной собственности, быта или военного искусства. Прежде всего важна именно история духа. Христианство поддерживает преемственность, считая, что разрывов в истории человечества быть не должно. Должна быть некая целостность. Мы должны чувствовать себя наследниками тысячелетий нашей истории.

Но христианство всегда ново – и это тоже принципиально. Неслучайно та книга, которая в первую очередь связывается с христианством, – это, как вы знаете, Новый завет, куда входят разные книги – четыре Евангелия, Деяния апостолов, апостольские Послания, Апокалипсис. Это именно *Новый* завет – новый не только по отношению к древнему, *Ветхому* завету, как у нас принято говорить, но и новый в смысле «вечно новый», говорящий о том, что никогда не стареет и никогда не умирает – так же, как не умирает любовь, особенно если это Любовь божественная, так же, как не умирает дар духовной Свободы. Это вещи предельные и даже более того – запредельные.

Христианство требует от человека смелости и открытости, которые обычно связываются с понятиями веры и доверия. Это тоже в наше время горячая тематика.

* Фрагменты двух первых встреч цикла были опубликованы в «Открытой встрече» №№ 67, 68, приложениях к номерам «Кифы» 1(203) и 5(207)

Как не потерять время жизни на земле впустую

Современные люди очень часто не доверяют друг другу, и понятно почему: слишком тяжела была история нашей страны, особенно в последнее столетие, когда доверять было смертельно опасно. Не доверяли даже ближайшим друзьям и родным своим, что уж говорить обо всех остальных. Поэтому нам трудно бывает доверять кому бы то ни было, и нас трудно в этом упрекнуть.

И тем не менее человек так устроен, что он жаждет открытости. Он не любит закрытости, из-за которой чувствует себя, как в консервной банке. Человек по-другому устроен: его лицо, его сердце, его чувства, его духовный опыт требуют общения, а общение – это всегда символ открытости, которая есть синоним веры и доверия – доверия и веры. Нет доверия – нет и веры. Нет веры в человека и в Бога – нет и доверия. Это две стороны одной медали так же, как доброта и красота, которые тоже проповедуются христианством (хотя и не в первую очередь, потому что есть вещи, стоящие выше их). Если нет доброты, нет и красоты, если нет красоты – нет и доброты. К сожалению, многие современные люди, стремящиеся к красоте в той или иной форме, об этом забывают. Многие люди, бегущие за законами красоты, отнюдь не добрые люди, и даже не ставят себе этой задачи. И в этом – проблема. В нашей жизни не хватает не только правды и справедливости. Нам не хватает красоты и доброты, радикальным образом не хватает. За примерами далеко ходить не надо – посмотрите на любое современное здание, любую современную улицу, в особенности если она находится по соседству с какой-нибудь старой московской улицей, пусть даже не самой выдающейся, и все будет ясно любому человеку, имеющему вкус и чувства меры.

И эти вещи, мне кажется, очень важны, если мы говорим о том, что христианство связывает нас со Христом, о Котором повествует нам Новый завет. Христос действительно открыл новые пути жизни человечества. Это правда, это так и есть. Он не повторял в новой форме то, что кто-то уже сделал прежде – то, что сделал Христос, абсолютно уникально и позже никогда не повторялось, и не будет повторено кем бы то ни было когда бы то ни было. В чем тайна Христа – это вопрос непростой. Легко на него не ответишь, даже если возьмешь в руки Евангелие. В этой книге много вещей, которые требуют определенных знаний, как бы ключей к пониманию, так же как и в Ветхом завете. И уже люди Ветхого Завета хорошо знали, что для того, чтобы понимать книги пророков и вообще Писание, Закон Божий, заповеди

Божьи, нужно обладать «ключами разумения», то есть знать какие-то глубинные законы духовной жизни. Тем более это так по отношению к Евангелию. Там очень много мест, требующих знания не только контекста, жанровых особенностей и исторических реалий, но и определенных духовных тайн и закономерностей, и многие люди, к сожалению, понимают эти тексты неверно. А за всякие ошибки приходится дорого платить, и особенно это касается духовной жизни.

Христос принес нам действительно новую весть, и новые дары, и новые возможности, но они никому не даются автоматически, ни одному человеку. Для того, чтобы не только узнать их и понять правильно, но и принять в себя, в свое сердце, в свою жизнь, нужны усилия, и усилия недюжинные – и умственные, и культурные, и духовные. И людям приходится иногда ради этого чем-то жертвовать: какими-то старыми навыками, привычками, взглядами. Много приходится человеку менять в жизни, потому что есть вещи несовместные (помните, как у Пушкина: «Гений и злодейство – две вещи несовместные»), и таких вещей много. Если мы хотим что-то всерьез узнать о христианстве, если мы хотим быть приобщенными к силе и энергии христианской жизни в ее полноте и совершенстве, нам тоже придется обо многом подумать в своей жизни и постараться разобраться, что мы сами захотим изменить, а чего не захотим. Ведь в духовной жизни совершенно необходима свобода. Духовная жизнь невозможна в условиях насилия – абсолютно невозможна. Никто и никогда не способен поверить в Бога и в человека (а христианство – это и есть вера в Бога и человека) под давлением. Область духа, область веры, надежды и любви – это всегда область свободы. И значит, здесь многое зависит от самого человека: он должен делать усилия сам, должен выбирать, находить путь и уметь его исправлять, если что-то происходит не так.

Конечно, современные люди, как правило, не борются с Богом. Атеизм как учение о борьбе с Богом уже давно отжил свой век. Он и был не очень-то живым, его лучшие времена остались в минувшем столетии. Сегодня человек чаще всего бунтует не против Бога. А если против Бога, то только постольку, поскольку ему кажется, что человек – носитель образа Божьего, то есть живая икона Бога, – попирается, унижается или, хуже того, уничтожается, растаптывается. Люди не хотят мириться со злом – и это замечательно. Правда, приходится признать, что, восставая против зла, люди часто сами

творят зло. Нужно еще и научиться бороться со злом так, чтобы при этом зла не творить. И здесь тоже нужен Христос, и здесь тоже нужны живые люди – носители христианской традиции.

Я не хочу, чтобы вы меня поняли так, что среди нехристиан или неправославных нет ничего живого, светлого, истинного или правильного и праведного. Конечно, есть. Как это соотносится с христианством – вопрос очень сложный, здесь много вариантов. Кто-то ближе к христианству, кто-то дальше. Но у нас много общего – есть общечеловеческая культура и общечеловеческие ценности, которые, даже судя по названию, принадлежат всем. И не так уж важно, откуда они взялись – из христианства или не из христианства, из более древних традиций или из более поздних. Но кроме этого общечеловеческого и общедуховного пласта есть и уникальные вещи.

Что в христианстве можно было бы назвать в первую очередь вещью уникальной? Я бы назвал заповедь о любви к врагам. Я как-то читал Священное писание, Новый завет специально с целью понять и увидеть, что сейчас можно назвать общечеловеческой ценностью, а что нельзя. И к своему удивлению обнаружил: почти все, что звучало почти две тысячи лет назад как совершенно уникальное откровение, было принято человечеством – людьми разных религий, идеологий, вер. Почти все – кроме вот этого принципа любви, возведенного в абсолют. Этого вы не найдете нигде, кроме христианства. Христианство говорит: Бог есть Любовь и познавший Любовь – познал Бога. И это правильно. Но христианство абсолютно радикально в этом смысле, оно предполагает распространение духа и смысла любви на все стороны человеческой жизни, вплоть до любви к врагам, до возможности подставлять щеку тому, кто ударил тебя по другой. Люди часто смеются над этим, потому что плохо понимают этот образ, почти притчу, имеющую огромное практическое значение. Ведь как мы с вами хорошо знаем, притчу и образ не надо понимать только лишь буквально. Это некий указатель, говорящий нам, как надо жить, какие критерии качества мы можем применять к своей жизни. Любовь к врагам – вещь совершенно практическая. Именно это отличает христианина от нехристианина. Если у человека нет любви к врагам или хотя бы для начала искреннего и глубокого желания такой любви, то он кто угодно, но еще не христианин. И это надо понимать, потому что слышать *от имени христианства* можно много разных вещей, иногда даже противоречащих самим основам христианства.

агменты встречи, открытой для всех

Христианство – это, конечно, не просто внешняя форма, не просто культ, не просто религия, мы с вами этого касались на одной из предыдущих встреч. Почему не религия? Ведь в нем, как мы уже говорили, есть религиозный элемент, и он неотъемлем от христианства. Молитвы, посты, таинства, священство, иерархия, Священное писание, писания отцов и многое другое – это религиозная часть христианской жизни. Но только часть, может быть, не самая большая; посчитать, формализовать эти вещи трудно. И вы должны это знать. Можно исполнить все формальные требования христианской традиции, церкви христианской и быть вообще неверующим, вообще не христианином, а иногда и хуже того – быть просто сгустком зла, тем, что называется в Евангелии «бесом». Это надо помнить: не внешним исполнением форм определяется, христианин человек или нет. Другое дело, что если он христианин, он как-то соотносится и с этими внешними формами. Как? Это отдельный серьезный вопрос. Есть ли здесь возможность многообразия – вот для этого человека так, а для этого иначе – это вопрос серьезный и непростой и решать его нужно в разных случаях лично (что отнюдь не значит по произволу).

Я уже сказал, что христианство есть вера в Бога и в человека. И оно не только проповедует любовь и свободу, не только отвечает на вопрос «что делать?» и «что важнее всего в жизни?», но дает силы понять, как эти вещи сделать живыми для себя и для тех, кто рядом с тобой, для близких твоих.

Может быть, для первого вступительного слова и достаточно того, что я сказал. Мне только хотелось бы закончить свою мысль о том, что если люди сегодня не борются с Богом, то они часто стремятся бороться со злом. И если они не могут предъявить никаких претензий Богу, то могут их предъявить церкви, так же как и своим близким или в каких-то случаях себе.

Понятие Церкви – очень сложное, мы с вами об этом тоже немного говорили. Есть церковь как человеческое сообщество, организованное определенным исторически сложившимся образом. Хорошо сложившимся или не очень хорошо – это бывает по-разному. Здесь существуют, скажем, конфессиональные различия, пока для нас не очень существенные. Церковь как учреждение, как институция, как социальный, культурный институт – это то, что мы называем церковью с маленькой буквы. Но есть Церковь с большой буквы – духовное единство людей, которые могут свидетельствовать о своей приобщенности к самому

На Открытой встрече. Декабрь 2015 года

Христу и к той традиции, о которой я сегодня говорил – традиции Духа.

Границы той и другой взаимосвязаны, но, конечно, не вполне идентичны. Потому что где люди, там проблемы. Это у Бога проблем нет, а у людей они всегда есть. Даже святой человек – не безгрешный, что уж говорить про остальных. А ведь церковь – это люди, и само слово «церковь» по-гречески звучит как «эκκλησία», что означает «собрание» – собрание особых, призванных людей, то есть тех, кто имеет призвание. И если с Церковью проблем много не возникнет, разве что человек захочет бороться с самим Богом, открывшимся как Любовь, то с церковью проблемы возникают постоянно. Ведь это церковное учреждение работает по всем законам мира сего. Имеет свое церковное «правительство», свою форму, свои инструкции, свои правила и традиции, включает в себя тех, кто все их соблюдает, и тех, кто нарушает, и много-много чего еще. Там могут быть люди, которые вообще непонятно почему в церкви находятся. И не всякий человек в рясе обязательно должен быть святым или даже находящимся в Церкви с большой буквы, не говоря уж про людей не в рясе. Это все уже вопрос суда: кто хорош, а кто не хорош, почему и как. Это вопрос такой, о котором мы сейчас подробно говорить не будем. Но вот так, кратко, все же стоило о нем сказать для того, чтобы не было путаницы.

Я поражаюсь, насколько все-таки современные люди, несмотря на то, что уже столько лет в нашей стране можно и Священное писание купить и прочитать, и храмы открыты, пока что живут этой постоянной путаницей в мозгах и в жизни. В одном месте услышали что-то одно, в другом что-то другое, здесь прочитали что-то, там что-то увидели – и все это такая каша, что разобраться в ней бывает трудно. А разбираться надо.

Разбираться надо потому, что вопросы нашей духовной жизни – это именно вопросы Жизни. Если христианство есть вера не только в Бога, но и в человека, это значит, что оно является верой и в призвание человека. И человек, наверное, имеет какой-то внутренний императив это призвание исполнить. У каждого человека свое, немного особенное призвание. Каждый человек уникален и абсолютно ценен, даже если он грешник. И задача каждого человека узнать о своем призвании и сделать все, чтобы не потерять время жизни на земле впустую.

Из ответов на вопросы

Вопрос: *Насколько возможен путь к христианству, жизнь в Церкви без личной встречи со Христом, без осознания этой встречи?*

О. Георгий: Что значит личная встреча со Христом? Это достаточно часто употребляемое сейчас выражение, но я очень боюсь, что им нередко злоупотребляют. В Новом завете есть такая очень интересная строчка: «Если раньше мы знали Христа по плоти, то теперь не знаем». То есть мы с Ним встретиться *во плоти* не можем. После Своего Воскресения Христос вознесся к Богу Отцу и существует духовно, в духовном теле. Значит, и встреча с Ним возможна только духовная. Но для того, чтобы духовная встреча совершилась, нужны духовные глаза, духовные уши, нужно сердце сделать духовным, способным воспринимать веления и дары Духа и приносить соответствующие плоды. Да, без Христа, без встречи с Ним в этом, духовном смысле слова, конечно, невозможны ни жизнь в Церкви, ни путь в христианстве, это ясно. Но надо понимать, что встреча со Христом от нас многого требует. Она происходит тогда, когда мы проявляем в себе Его Дух, когда мы живем Его любовью, Его свободой, Его словом и жизнью.

Вопрос осознания таких духовных встреч – вопрос очень неформальный. Можно по-разному их осознавать, можно в разных образах это рассказывать. Я слышал много рассказов, как люди встречались со Христом, начиная с самых натуралистических, когда человек вдруг чувствовал в какой-то момент «здесь и сейчас» некое особое божественное присутствие, которое переворачивало его жизнь, делало ее совершенно новой, меняло мысли, дух, направление жизни. Или рассказы о том, что встреча со Христом – это нечто очень тонкое, светлое, почти как сказка, которая, тем не менее, наполняет человека не просто энтузиазмом, не просто надеждами, а чем-то большим и, в общем-то, не уходит никогда.

И здесь важно знать, что в духовной жизни очень трудно поставить границу, твердо и определенно понять, где трезвенная глубинная реальность, подлинное прикосновение к первореальности, а где человеческие благопожелания.

Нужен определенный опыт и даже особая талантливость, чтобы различать, где реальность, а где только лишь желаемое выдается за действительное.

Я более или менее знаю, как это происходит. И что это действительно может произойти. Может, но не обязательно. Невозможно заставлять Бога что-то делать, представляя Его себе как некую золотую рыбку или как компьютер – нажал и получил то, что тебе хочется, исполни только определенный алгоритм или какую-то магическую формулу произнеси. Так не бывает. Это все сказки. А живая встреча с живым Христом, повторяю, возможна тогда, когда в нас поселится Его Любовь, Его Дух, Его Свет. Вот это настоящая встреча со Христом, не поддельная, действенная. Все остальное – это образы. Это наши представления о духовной жизни, трезвенность которых, как я уже сказал, надо проверять.

Фотографии Сергея Калинина

Для чего нужны детские концерты

Часто это бывает так: ребенок получает возможность проявить себя, продемонстрировать свои достижения и порадовать зрителей (и в первую очередь – собственных родителей, бабушек и дедушек). Мне хотелось бы рассказать о необычном концерте. Бабушки и дедушки на нем были, но никто из них не приходился родственником никому из артистов; ни один артист не ставил себе цели «блеснуть талантом» и стать звездой сцены, но на глазах у зрителей можно было заметить слезы, и артисты старались ничуть не меньше профессиональных музыкантов, певцов или чтецов.

Этот необычный концерт прошел в одном из домов престарелых города Пскова, или, как гласит табличка у входа, в «Доме для одиноких и престарелых». Участвовали в этом концерте дети, подростки и взрослые из Воскресенского братства. Кто-то из нас живет

в Москве, кто-то в Пскове, и концерт стал частью нашей общей жизни в летнем лагере.

Когда мы приехали, нас уже ждали, в гостиной дома собралось человек тридцать или чуть больше. Это немалая часть тех, кто там живет, как объяснили нам сотрудники Дома, несколько человек не смогли прийти, потому что плохо себя чувствовали.

Те, кто пришел, оказались самыми внимательными зрителями. Такое впечатление, что каждая нота была услышана с благодарностью. В концерте были сольные музыкальные номера в исполнении Вероники Селезневой, Дарьи Михайловой (блок-флейта), Нины Колымагиной (флейта) и Екатерины Пантуевой (гитара).

Музыкальные пьесы чередовались с чтением стихов: зрители узнали, уплыл ли в открытое море серый мышонок Тарасик из стихотворения, которое прочитал Алексей Сидоров, и как чувствует себя кот, которого держат за хвост (о его приключениях мы услышали от Ксении Малышевой).

А потом на сцену вышел целый хор. Самым младшим певцам – семь лет, старшая часть хора – подростки. На одной из репетиций Дмитрий Сегаль, который аккомпанировал на гитаре, спросил детей, чем надо петь в хоре, и правильный ответ оказался таким: ушами! Слушать друг друга, и не только во время пения, оказалось трудно, но возможно, и песням хора тихонько подпевали зрители.

Песни для них оказались новыми, и сотрудники Дома попросили оставить им слова (было видно, что петь здесь любят). Все вместе, под гитару и под баян, спели любимую «Смуглянку». В этом Доме живут ветераны войны и труда, бывшие узники концлагерей, и всех сразу как-то объединила эта песня.

Баян заинтересовал всех – он оказался не простым, а цифровым, а это значит, что один инструмент может звучать, как целый оркестр. Стас Малышев сыграл на нем произведение, похожее на маленький музыкальный спектакль – «Ехал казак за Дунай» с вариациями. Стас вел весь концерт, и в самом начале он сказал, что радость христианского, братского общения умножается, если ей делиться. Большинство детей и подростков

уже участвовало в таких концертах, но каждый раз все волнуется перед поездкой. Одно дело играть на флейте дома или в музыкальной школе, и совсем другое – быть здесь и сейчас всерьез ответственным за умножение радости в жизни людей, которые сидят перед тобой.

Мы познакомились с администрацией и сотрудниками Дома, они подарили нам книги о замечательных местах в окрестностях Пскова. Прощались с большой благодарностью друг другу и с надеждой на то, что общение будет продолжаться.

Когда мы ехали обратно в лагерь, я подумала о том, что детям, как, впрочем, и взрослым, бывает очень сложно не то что выйти, но хотя бы выглянуть за пределы своей собственной жизни, своих интересов. Их мир часто оказывается очень небольшим. Это нормально для младенцев, но взрослому человеку надо видеть, чем и как живут другие люди, чем им можно помочь, явно или незаметно. Когда это получается сделать, дети радуются такой возможности, как чуду, потому что нашли действительно необходимую для жизни вещь. И еще: нашим детям и подросткам очень важно учиться у людей другого поколения умению слушать другого со всем вниманием, принимать подарки, благодарить от сердца и самим дарить радость общения.

Яна Пантуева
Фото Олега Свечникова

